

В СЕРИИ

**ДОМ
НОЧИ**

**МЕРТВЫЙ
ЛЕС**

ДМИТРИЙ КОЛОДАН

**МЕР-
ТВЫЙ
ЛЕС**

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К61

Разработка серии и иллюстрация на переплете —
К.А.Терина

Колодан, Дмитрий Геннадьевич.

К61 Мертвый лес / Дмитрий Колодан. — Москва :
Эксмо, 2023. — 480 с.

ISBN 978-5-04-162533-7

Граница, разделившая мир чудес и обыденность, слишком тонкая и зыбкая. Слишком легко ее не заметить, слишком легко оказаться на другой стороне... И вот уже на краю волшебного леса растет уродливая мусорная свалка — место, откуда приходят совсем иные чудовища, порожденные человеческой жадностью, жестокостью и страхом.

Иве, дочери Матушки Ночи, и ее подруге Кати Макабре-ску предстоит столкнуться с врагами, которых они не могли даже представить, а за спиной уже сгущаются тени из прошлого, полного смертей и боли. Чтобы победить, им придется пройти через Мертвый лес.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-162533-7

© Дмитрий Колодан, текст, 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

Глава 1

Доктор Салазар едет в лес

— **Д**ержитесь крепче, господин доктор, будет трясти. Не сбавляя скорости, внедорожник свернул с шоссе на узкую грунтовку, уводящую в лес. Сам доктор Салазар ничем бы не заметил эту дорогу, так хорошо она спряталась среди высокой травы вдоль обочины. Никаких дорожных указателей, стрелочек или иных знаков. И уж точно он бы не стал заезжать на нее на скорости, уместной на экстремальных автогонках.

Однако водитель, молодой егерь в бледно-зеленой форме Управления Лесного Хозяйства, вел внедорожник так, будто за ними гнались все черти из преисподней. Изо всех сил он цеплялся за рулевое колесо — еще немного, и вырвет его из панели. Гладко выбритое лицо покраснелось, волосы стояли дыбом... От усердия он даже высунул кончик языка. Этому парню не помешало бы сдать анализы на токсоплазмоз, а иначе откуда столь дикое желание отправить их на тот свет? Доктор Хайме Салазар считал себя человеком рациональным, в высшие силы не верил, но тут он вспомнил все молитвы и гимны, которые учил в воскресной школе, и теперь беззвучно повторял их, вцепившись в ручку двери так, что даже мышцы свело.

— Потерпите немного! — проорал егерь. — Скоро будем на месте!

Загрохотали железные кости, задрезбуждали таинственные детали, и машина понеслась по разбитой дороге, подскакивая на каждом ухабе, не пропуская ни единой ямы и выбоины. Доктор Салазар решил, что к концу поездки он или лишится половины зубов, или же откусит себе половину языка. Наконец-то он понял, что означает избитое выражение «*мешок с костями*» — именно таким мешком он себя и ощущал. Он десять раз пожалел о том, что с утра плотно позавтракал, и теперь думал о том, как бы уговорить яичницу, сосиски и тосты остаться в желудке хотя бы до конца сумасшедшей поездки.

— Я вообще в жизни такого не видел, — громко сказал егерь, но за ревом мотора голос был едва различим. — Думал, такое только в сказках бывает, ну или в книжках приключенческих.

— Да? — простонал Салазар.

Он едва понимал, о чем вообще говорит этот парень. Можно было хотя бы попытаться сосредоточиться на его словах, но сил на это не осталось. Мозг превратился во взбитое желе; все извилины и желудочки окончательно перепутались, и никакая мысль не задерживалась в голове. Всякий раз, когда Салазар начинал думать о чем-либо, кроме своего физического состояния, внедорожник тут же подскакивал, или проваливался, или его мотало в сторону.

— Ну да! — крикнул егерь. — Была такая книжка, про мальчишку, который потерялся в лесу и совсем одичал. Вроде как его воспитали волки... Ну а у нас девчонка. Когда мы ее нашли...

МЕРТВЫЙ ЛЕС

Мотор взвыл, как пожарная сирена, заглушив слова егеря. Парень в ярости заколотил кулаком по приборной доске, не переставая при этом болтать. Салазар даже не старался прислушиваться, все его мысли были лишь о том, что будет, если двигатель заглохнет. Доктор никогда не был любителем лесных прогулок и становиться им не собирался. Удивительно, как он вообще оказался в этой машине и едет не пойми куда и не пойми зачем, вместо того чтобы в тишине и спокойствии перебирать бумажки у себя в кабинете.

Несмотря на завывания мотора, егерь и не подумал сбросить скорость. Своего железного коня он не щадил, и в конце концов это возымело эффект: вой и визг уступили место басовитому рычанию. Егерь откинулся на сиденье с видом циркового укротителя, усмирившего разъяренного льва. И при этом продолжал говорить:

— ...пришлось накладывать швы, представляете?

— Что?

— Вот! А по виду и не скажешь! Соплячка совсем, кожа да кости, а иди ж ты!

Салазар покачал головой. Потом, все потом, когда они приедут на место и когда он выпьет литр крепкого кофе. А без этого мозги отказывались работать. Все, о чем трепался егерь, казалось бессмысленным набором слов. Какая еще девчонка? При чем здесь волки и швы? И какого черта им в такой глуши потребовался психиатр?

Машина углублялась в лес, петляя по узкой дорожке. Деревья становились выше и толще, густой подлесок уступил место соснам в три обхвата и высоким, как пятиэтажный дом. Но доктор знал, что это далеко не предел. Он читал, что в лесной чаще встречаются великаны и за сотню метров, старые, как само время. Спил с одного

из таких деревьев Салазар видел в музее — кусок дерева в три человеческих роста высотой и с таким количеством годовых колец, что за сто лет не пересчитать. Он в жизни не видел ничего столь же огромного и при этом созданного не руками человека, а явившегося в мир по велению куда более могущественных сил.

Тогда доктору это показалось неправильным, даже нечестным. Теперь же его занесло в края, где подобное было в порядке вещей. Он ощущал себя чужаком в чужой стране, и чем дальше внедорожник углублялся в лес, тем сильнее разгоралось это чувство — необъяснимая тоска и томление, смешанные с благоговением и страхом. Чувство, для которого у доктора не нашлось названия. Как если бы огромный зверь поймал его и прижал к земле сильной мягкой лапой. Дорога становилась уже. Ветви деревьев скребли и стучали по металлической крыше.

— Долго еще? — прокричал Салазар.

Егерь ответил белозубой улыбкой.

— Почти на месте. Потерпите немного, скоро сами все увидите.

Однако прошло не меньше получаса, прежде чем внедорожник вырвался из сжимающихся тисков лесной дороги и они оказались на круглой поляне, где располагалось лесничество — один из форпостов Управления Лесного Хозяйства в этих диких краях. Диких? Салазар усмехнулся. Отсюда до города всего несколько часов на машине. Не тропические джунгли, не бескрайние просторы тайги, а все равно он как будто оказался на другой планете.

Сама лесная станция, мягко говоря, не впечатляла. Сразу видно, что строили ее наспех, не заботясь ни об

МЕРТВЫЙ ЛЕС

удобстве, ни о красоте, ни о надежности, с одной целью — хоть как-то закрепиться на этом участке земли. Лес окружил поляну густым и плотным кольцом, в любой момент готовый ринуться в атаку: первой пойдет ольха, за нею — рябина и ива. А что ему смогли противопоставить люди? Только хлипкий забор из колючей проволоки, державшийся на честном слове.

За забором жались друг к другу с полдюжины щитовых домиков, а за ними выстроились в ряд несколько грузовых контейнеров, выкрашенных в кирпично-красный цвет. С края поблескивал застоялой водой пожарный водоем, над которым нависала наблюдательная вышка — шаткая конструкция из неотесанных бревен. Ни за какие деньги Салазар не согласился бы на нее подняться, однако нашлись смельчаки — на верхней площадке доктор разглядел одинокую фигуру в широкополой шляпе. И что же они тут высматривают? Лесные пожары, наверное, или, что куда вероятнее, нелегальные винокурни самогонщиков. Салазар читал о таком в газете.

Егерь сбросил скорость, и внедорожник застонал от облегчения. Под сиденьем что-то громко заскрипело, словно кто-то согнул пополам ржавую трубу. Автомобиль ошутимо просел на колесах. Был бы он живым существом, его бы, наверное, пришлось пристрелить, как загнанную лошадь. Очень медленно внедорожник двинулся к воротам, сколоченным из серых растрескавшихся досок.

— Ну, вот и приехали. Добро пожаловать на лесную станцию номер тринадцать, — с гордостью сказал егерь. — Или как мы ее зовем — Же-Эл.

— Же-Эл? — не понял доктор.

— Ну да. Жопа Леса, вроде того.

Дмитрий Колодан

Дитя из леса

Их уже ждали. У ворот топтался седой коренастый мужчина с пышными усами и курил сигарету так, что дым не успевал развеяться от лица. На форменной зеленой рубашке блестела медная пятиконечная звезда — знак Управления.

— Ну а вот и наш капитан, — сказал егерь. — Он тут самый главный.

Внедорожник остановился, и доктор вышел, точнее — вывалился наружу, жадно глотая свежий лесной воздух. После пропахшего бензином салона это должно было привести его в чувство, однако тошнота и не собиралась отступать. Ноги подкашивались, руки тряслись, пришлось опереться о капот, чтобы не упасть. Салазар глянул на себя в боковое зеркало и ужаснулся: лицо бледное, мешки под глазами, лоб блестит от испарины, в общем — краше в гроб кладут. Но все же он пригладил пятерней растрепавшиеся волосы и поправил узел галстука, хотя смысла в этом не было никакого. В лесу громко закричала незнакомая птица: *у-ит, уу-ит?*

Усатый капитан затушил окурок о створку ворот, бросил его в карман и, чеканя шаг, направился к машине. Бывший военный, решил Салазар, и невольно напрягся. Не то чтобы он не любил военных, но знал, как порой тяжело с ними в общении.

— Доктор Салазар, я полагаю? — спросил мужчина, протягивая руку, и сам же усмехнулся древней шутке. — Мы вас уже заждались. Моя фамилия Григер.

Голос у него оказался скрипучим, как ржавые дверные петли. Неприятный голос, Салазар едва сдержался, чтобы не поморщиться.

МЕРТВЫЙ ЛЕС

— Приятно познакомиться, господин Григер, — сказал он, отвечая на рукопожатие. Крепкое, мужское, из тех, чей смысл показать, кто здесь главный, а вовсе не поприветствовать. Салазар смутился, когда сообразил, что у него сильно вспотели ладони, однако Григер и вида не подал, будто что-то не так.

— Ласло уже ввел вас в курс дела?

Он указал на улыбчивого егеря, оставшегося у машины.

— Кхм... В общих чертах, но, боюсь, я не до конца понял.

— Ну да, ну да, — вздохнул Григер. — Понимаю. Мне бы кто рассказал — в жизни бы не поверил. Но в этом лесу и не такое случается.

Он обернулся и некоторое время смотрел на темную стену деревьев. Салазар обратил внимание на то, как заиграли желваки у него на скулах. Странное дело — этот человек был егерем, лесничим, в общем, защитником леса. Однако он глядел на чашу так, будто ждал оттуда беды.

— В самом деле? — спросил Салазар. — И что же здесь случается?

— Разное, — ответил Григер тоном, который означал «лучше вам об этом не знать». — Чего-нибудь хотите с дороги? Чай, кофе? Или чего покрепче?

— Благодарю. — Доктор покачал головой. — От кофе бы я не отказался. Так что тут у вас произошло? Я так понял, вы нашли в лесу потерявшегося ребенка?

Он решил, что нет смысла тянуть вольнку. Григер очень медленно кивнул. Усы всколыхнулись, когда он шумно выдохнул через нос.

— Можно сказать и так. Хотя не думаю, что здесь уместно слово «нашли»... Скорее это она нас нашла.

— Вы уже обратились в полицию? Вызвали социальную службу? Насколько мне известно, это первое, что нужно делать в подобных случаях.

Григер посмотрел на Салазара с наивным изумлением, будто впервые об этом слышал.

— В самом деле? Разумеется, я знаю протокол, доктор. Поиск *потеряшек* входит в обязанности Управления. Но, боюсь, на этот раз у нас... особый случай. Пойдемте, я расскажу по дороге.

Он махнул рукой и, не оборачиваясь, зашагал в сторону корпусов станции. Салазар поспешил следом.

— Что значит «особый случай»? — проговорил он, стараясь не отставать от Григера. — Ваш человек, Ласло, он что-то говорил про волков, но так путано...

— Про волков не в курсе, — отрезал Григер. — Расскажу, что знаю. Мои ребята прочесывали лес к северу, искали незаконные посадки конопли и забрались дальше обычного. Пришлось остановиться на ночь. Это нормальная практика, на самом деле: связались по рации, поставили в известность и встали лагерем. У Управления есть пара «вертушек», но толку от них мало, приходится работать ближе к земле...

Он потянул себя за ус. Именно тогда Салазар и заметил след у него на запястье — четкий отпечаток укуса, такой ни с чем не спутаешь. В своей практике доктор с подобным уже сталкивался: два темных полумесяца засохшей крови, воспалившаяся кожа по краю... Стоило бы обработать антисептиком, однако Григер не удосужился ни перевязать укус, ни заклеить пластырем, видимо, посчитал рану несерьезной. Проклятье! А ведь прокусить кожу взрослого мужчины не так просто, и дело тут

МЕРТВЫЙ ЛЕС

не в силе челюстей. Григер перехватил взгляд Салазара и одернул рукав.

— В общем, — продолжил он как ни в чем не бывало, — парни встали лагерем: костер, походный ужин, все как полагается. И ночью одному из ребят понадобилось отлить, извиняюсь за такие подробности. Но не успел он штаны расстегнуть, как кто-то прыгнул на него с дерева. Парень с перепугу решил, что это рысь, в темноте то не разберешь... На самом деле ему повезло. Если бы он случайно не повернулся, она бы сломала ему шею, он бы и пикнуть не успел. А так смог ее перехватить и удержать, а заодно и позвать на помощь. Но даже втроем они насилу ее скрутили, а к утру доставили на станцию.

— Она... — повторил за Григером Салазар. — Девочка? Ваш человек сказал, что это был ребенок.

— Выглядит она как ребенок, — согласился начальник станции. — Я бы предложил лет двенадцать-тринадцать, но могу ошибаться.

На долю секунды он замялся.

— Мы заперли ее в одном из сараев. К сожалению, более надежного места не нашлось.

Салазар во все глаза вытаращился на начальника станции. Такого он не ожидал.

— Да вы в своем уме?! То есть вы нашли в лесу потерявшегося ребенка — голодного, замерзшего, напуганного, но вместо того чтобы ему помочь, вы его связали и заперли в сарае?!

— В своем ли я уме? — переспросил Григер. — Конечно, вам виднее, вы же специалист. Но, поверьте, у нас были все основания так поступить.

— Какие еще основания? — Салазар громко фыркнул. — То, что ребенок вас укусил, — это никаким образом не основание сажать его под замок.

— А! Вы об этом? — Григер дотронулся до запястья. — Это ерунда, царापина. А вот Тулле серьезно досталось: она вырвала у него из руки кусок мяса размером с кулак.

И на тот случай если Салазар не понял, он показал ему, какого размера бывают кулаки.

— Но это же была самооборона? — не сдавался Салазар. — Взрослые мужики набросились на нее, и что ей еще оставалось? И не говорите мне, что у вас не было иного выбора. Я понимаю: стрессовая ситуация, да и случай, мягко говоря, неординарный, но все же — есть и другие методы!

Григер и бровью не повел.

— Вы уж простите, господин доктор, — сказал он. — Но у нас действительно не было *иного* выбора. Это... существо представляет опасность для окружающих.

— Существо? Это не *существо*. Это ребенок, попавший в беду, и ваша прямая обязанность...

Григер поднял руку, и Салазар замолчал, как если бы его каким-то колдовством лишили дара речи. Он никогда не служил в армии и тем не менее поймал себя на том, что того и гляди вытянется по стойке смирно.

— Я еще не все рассказал, — проговорил Григер. — Мы не только поймали ее и доставили на станцию. Парни прочесали лес рядом с тем местом и нашли ее логово — что-то вроде норы под поваленным деревом.

— И что? Если эта девочка потерялась в лесу, она должна была где-то укрываться от дождя и...

Под немигающим взглядом Григера Салазар снова замолчал. Но начальник станции продолжал и продол-

МЕРТВЫЙ ЛЕС

жал смотреть на него, пока доктору не сделалось дурно. Куда сильнее, чем когда его укачало во внедорожнике.

— Мы нашли кости в том логове, — наконец сказал Григер. — Человеческие кости, принадлежавшие по меньшей мере трем разным людям. Все обглоданные до чиста и со следами зубов.

— Но... — Доктор замотал головой. — Погодите... То есть...

Он не нашелся что сказать, но Григер кивнул самым страшным его мыслям.

— Теперь вы понимаете, почему мы не вызвали полицию и соцслужбу? Шила в мешке не утаишь. Едва мы обратимся в полицию, о случившемся тут же пронюхают журналисты. И я боюсь даже представить, чем все это может обернуться. Потому мы обратились к вам напрямую. Прежде чем это дерьмо всплывет и начнет вонять, я хочу знать, что это за дерьмо.

— Да, да, понимаю... — пробормотал доктор, хотя ничего на самом деле не понимал.

Они остановились напротив невысокого щитового сарая с плоской крышей из рифленого железа. Окон там не было, а на дверях висел амбарный замок.

— Она здесь?

Григер молча вытащил из кармана ключ, однако открывать дверь не спешил. Так и застыл, прикусив нижнюю губу. Из-за двери доносился тихий вой: не крики, не стоны и не плач, а мерное гудение, звучавшее то выше, то ниже. Словно там притаился огромный осиный рой или же работал электродвигатель. Станный звук, вроде и не громкий, но неприятно давящий на уши.

— Это она?

— С того самого момента, как мы ее сюда привезли, — кивнул Григер. — Не прекращая ни на секунду.

— А... Что она там делает? — спросил Салазар, неожиданно шепотом. Как будто испугался того, что загадочная девочка за дверью может его услышать.

— Я не уверен, — пожал плечами Григер. — Это вы специалист. Но, по-моему, она поет.

Урдак слышит зов

Повиснув на одной руке, Урдак раскачивался на ветке своего дерева, да так, что фалды драного сюртука развевались за спиной, будто крылья.

— Смотрите, мистер Гош, смотрите, как я умею!

Вперед, назад, вперед, назад... Старое дерево скрипело и трещало, ветка сильно выгнулась, того и гляди сломается, но Урдак не прекращал своих упражнений: вперед, назад, разжать пальцы и в тот же миг — перехватить ветку другой рукой. Он был ловок, и быстр, и силен и наслаждался этим. Наслаждался настолько, насколько позволяла неутихающая резь в животе.

Часа не прошло, как Урдак изловил в кустах ласку. Вертячая чертовка успела укусить его за палец, прежде чем он проглотил ее целиком, не удосужившись свернуть зверьку шею. Но разве могла такая мелочь утолить его голод?

— Хэй, мистер Гош! А так вы умеете?

И сделав сальто, Урдак вдруг оказался наверху ветки, устроившись на ней на корточках. Мятый цилиндр сполз на лоб, но не упал — в самый последний момент Урдак успел удержать его. Нельзя терять шляпу, настоящий джентльмен никогда не теряет шляпы.

МЕРТВЫЙ ЛЕС

— Ну, что скажете?

Плюшевый медведь, втиснутый в развилку двух ветвей, в восхищении уронил голову набок. Кончиком языка Урдак облизал потрескавшиеся губы и отвесил игрушке легкий полупоклон.

— Благодарю, дорогой друг. Ваше мнение для меня много значит. Когда-нибудь...

Он вдруг замер, всего на пару секунд, а затем костлявое лицо задвигалось, кончик носа задрожал. Несколько раз подряд Урдак с силой втянул воздух и тут же зажал пальцами ноздри, дабы не упустить запах, который принес ему ветер. Станный запах, знакомый, но Урдак долго не мог вспомнить, где он мог его слышать, а когда вспомнил...

Ну, надо же! Да это же *его* запах! Именно так пахла изнанка его сюртука, так пах внутри его цилиндр, так пахли его башмаки... Но в то же время запах был немножко другой, с резкими чужими нотками. Все это крайне озадачивало и, возможно, даже заслуживало его внимания.

Урдак склонил голову в одну, затем в другую сторону, разминая мышцы и слушая, как хрустят позвонки. Ветер сменил направление, унося с собой странный запах, но Урдак уже взял след. Он знал, что не заблудится.

— Что скажете, мистер Гош? Как вам...

И опять он не договорил, но на сей раз вмешался не запах, а звук. Сперва Урдак принял его за комариный писк, тонкий и тихий, и только потом сообразил, что звук — стон или вой, то выше, то ниже — доносится из леса. Из такого далека, откуда никакой звук не мог долететь до его холма и до его дерева. Услышать его — все равно что услышать стрекот сверчка

в глубокой пещере, стоя при этом на вершине горы. Но Урдак услышал. Услышал и вспомнил, и это воспоминание обожгло его сильнее, чем если бы он проглотил горящий уголек.

Это была песня, и Урдак знал ее. Давным-давно, в те времена, о которых никто и не помнит, эту песню пела женщина с костлявым лицом, склонившись над деревянной колыбелью. Женщина, которая зачем-то привела его в этот мир, а потом бросила одного. Он давно забыл ее имя, забыл цвет ее глаз и забыл, как звучал ее голос, но эта мелодия осталась с ним. Она была записана на его костях, она пряталась в его крови. И вот она зазвучала снова, стоило ему услышать всего пару тягучих нот.

— Мистер Гош? — Урдак ткнул медведя пальцем. — Вы слышите это?

Добрый друг промолчал, но по тому, как мотнулась его голова, Урдак понял, что мистер Гош тоже услышал зов.

— Друг мой, как насчет того, чтобы немного прогуляться?

Не дожидаясь ответа, он схватил игрушку, затолкал ее в карман и спрыгнул с дерева. Под ногами захрустели сухие кости. Вытянув тощую шею, Урдак снова принялся определять направление и расстояние. Путь предстоял долгий и трудный, но когда его это останавливало? Урдак оскалился, поправил сползший на затылок цилиндр и, подпевая едва слышной песне, стал спускаться с холма.

Впрочем, не сделав и десяти шагов, он замер. В животе громко урчало, желудок не переставал напоминать о себе. Песня песней, но перед долгой дорогой не поме-

МЕРТВЫЙ ЛЕС

шает и подкрепиться. Урдак давно приметил в лесу одно местечко, где рыжая сойка свила гнездо. Как раз сейчас птенцы-слетки готовились впервые покинуть родительский дом. Так почему бы их не проведать?

Разговор по душам

— Оставьте нас, — сказал Салазар. — Я хочу поговорить с ней наедине.

Григер смерил его взглядом.

— Вы уверены, господин доктор?

— Да, — ответил Салазар, хотя, сказать по правде, он был совсем не уверен. — Она вас боится. Не думаю, что она пойдет на контакт в вашем присутствии. Не беспокойтесь. Она ничего мне не сделает. Об этом вы уже позаботились.

Может быть, в его словах и скрывался сарказм, но прозвучали они скорее как благодарность. Как ни стыдно себе в этом признаваться.

Григер тяжело выдохнул в усы.

— Между нами, не думаю, что она вообще умеет разговаривать.

Начальник станции поморщился и, сам того не замечая, прижал ладонь к запястью.

— А вы пытались? — парировал доктор, но этот вопрос Григер оставил без ответа.

— Если что, я буду за дверью. Я не собираюсь подслушивать, но... В общем, если что — сразу зовите.

Он не сказал «на помощь», но это подразумевалось.

— Хорошо, — вздохнул Салазар. — Буду иметь в виду.

Григер хотел еще что-то сказать, может быть, пожелать доктору удачи, но в итоге ограничился кивком и,

чеканя шаг, вышел из сарая. Доктор повернулся к девочке из леса. За то время, что Салазар беседовал с Григером, она так и не подняла головы. Сидела, скрючившись, у стены и тихонько пела свою странную песню. И это было ужасно.

Пока рядом стоял начальник станции, доктор избегал смотреть на пленницу. Он отводил взгляд, даже замечая ее краем глаза, и лишь сейчас позволил себе взглянуть на нее по-настоящему.

В сарае было темно: под потолком висела голая лампочка на шнуре, но светила она так тускло, что Салазару приходилось щуриться, чтобы разглядеть, что находится у дальней стены. Ящики, накрытые линялым брезентом, лопаты и прочий инструмент — сарай явно не предназначался для того, чтобы держать здесь кого-то взаперти. Кроме того, тут оказалось холодно и сыро.

Доктор медленно опустился на земляной пол напротив девочки. Сел так же, как сидела она, — на корточки, но его руки и ноги не стягивали брезентовые ремни. Проклятье! Это, должно быть, чертовски больно. Неужели не нашлось какого-то другого способа ее удержать? Но пленница будто и не замечала этих пут. Она механически раскачивалась вперед и назад и подвывала, словно ничто иное в мире не имело значения. Выглядела она маленькой и хрупкой, в первую очередь из-за своей жуткой худобы. Казалось, стоит ей неудачно повернуться — и торчащие позвонки или ребра порвут кожу. Неужели потребовалась сила нескольких взрослых мужчин, чтобы справиться с этим истощенным ребенком?

Но в этот момент девочка взглянула на Салазара — на один краткий миг, — и этого оказалось достаточно,

МЕРТВЫЙ ЛЕС

чтобы у доктора волосы зашевелились на загревке. В ее глазах он не увидел ни капли страха, а только злость и ярость, обжигающие, будто адское пламя.

Девочка устроилась прямо границе света и тени. Из-за этого ее глаза казались неестественно большими и такими черными, что не разглядеть белков. Черными были и ее спутанные сальные волосы, настолько длинные, что, когда она сидела, они доставали до земли. Доктор дернулся, заметив, как из-под колтуна выполз жирный клещ и тут же закопался обратно.

На контрасте с чернотой волос и глаз ее кожа выглядела очень бледной, как будто девочка никогда не бывала на солнце, и влажно блестела, точно рыбье брюхо. Одежды на ней не было совсем, однако пленница не дрожала от холода, никакой гусиной кожи. Неподалеку лежало шерстяное одеяло, видимо, кто-то из егерей позаботился, но она попросту отбросила его в сторону.

Салазар несколько раз прочистил горло, чтобы привлечь внимание, но девочка снова опустила голову, уставившись на свои руки с длинными грязными ногтями.

— Привет. Здравствуй...

Девочка продолжала петь.

— Меня зовут Хайме. Я доктор. Ты знаешь, кто такой доктор? Я здесь, чтобы тебе помочь. Не бойся, я тебя не обижу.

В подтверждение своих слов Салазар поднял руки, показав ей раскрытые ладони. Девочка никак не отреагировала.

— Я хочу узнать, кто ты? — мягко спросил доктор. — У тебя есть имя?

Он на секунду задумался, а затем трижды ударил себя по груди.

— Хайме, — он указал на девочку пальцем. — А ты? Никакой реакции. Доктор глубоко вздохнул. Что ж, никто и не говорил, что будет легко. Он снова повторил этот трюк — хлопнул себя по груди, представился и указал пальцем. Она слегка приподняла голову. Третья попытка...

Его уберегло какое-то шестое чувство. В тот момент, когда он поднял руку, она вдруг извернулась и метнулась вперед, наплевав на то, что связана. Рванулась, как рванулся бы дикий зверь. Зубы клацнули в сантиметре от пальца доктора — он едва успел отскочить назад. Девочка же упала лицом вниз да так и осталась лежать. Она не пыталась ни встать, ни перевернуться, и только ребра медленно поднимались на каждый вдох.

Доктор замер у самой двери, не понимая, как здесь очутился. От девчонки его отделяло не меньше трех метров, и по всему выходило, что это расстояние он преодолел одним прыжком. Салазар и не подозревал, что на такое способен. Теперь же у него тряслись руки и колени, а сердце колотилось так, что впору глотать таблетки.

Но хуже было то, что доктор не понимал, что ему делать. Помочь девочке? Но она же пыталась... Пыталась что? Откусить ему палец или же рассчитывала дотянуться до горла?

Наконец пленница зашевелилась. Извиваясь, точно гусеница, она перевернулась на бок, а затем кое-как поднялась и снова села на корточки. Она смотрела на Салазара, но взгляд был пустой и невидящий, как если бы она пребывала под кайфом. Доктор проглотил вставший

МЕРТВЫЙ ЛЕС

поперек горла комок и попытался взять себя в руки. Рано еще отступить и славаться.

— Ты хочешь есть? — спросил он. — Или, может, пить?

В ответ девочка зашипела как змея и оскалилась, демонстрируя мелкие и острые зубы. Ни одного гнилого. Салазар отпрянул, едва удержавшись от того, чтобы выскочить за дверь. И без толку убеждать себя, что это всего лишь попавший в беду ребенок.

— Я могу принести тебе еды, — сказал он дрожащим голосом. Салазар указал пальцем на рот. — Еда? Хочешь есть?

Девочка дернула головой, и упавшие волосы полностью скрыли ее лицо.

— Косточки... — проскулила она. — Мягкие косточки... Сла-адкие...

Доктора будто окатили ледяной водой. На несколько долгих секунд он застыл с открытым ртом.

— погоди! Так ты умеешь разговаривать! Кто ты?

Но девочка не ответила. Не поднимая головы, она снова начала раскачиваться — вперед, назад, словно бы впала в транс. Еще минут десять Салазар пытался вытянуть из нее хоть что-то, обращался к ней словами и жестами, но ничего не добился. В итоге он сдался. Ему нужно время, чтобы обдумать случившееся и понять, что он должен и что он может сделать. А здесь, в темном сарае, рядом с этим созданием его голова отказывалась работать. Словно кто-то подменил мозги липкой сахарной ватой.

— Я еще вернусь, — сказал он. — Скоро.

Девочка даже не вздрогнула. Бросив на нее последний взгляд, Салазар торопливо вышел наружу и плот-

но прикрыл за собой дверь. И тут же, на пороге, его вырвало.

— Дышите глубже, господин доктор. Это поможет.

Григер, как и обещал, ждал его снаружи — курил шагах в десяти от двери. Доктор вытер губы тыльной стороной ладони, в горле остался привкус желчи.

— Сигарету? — участливо предложил Григер.

— Не курю, — сказал Салазар и чуть не добавил «к сожалению».

Начальник станции затушил окурок о стену сарая и убрал в карман. Салазар отрешенно посмотрел на черные следы на досках. Это сколько же сигарет выкурил Григер, пока его дожидался?

— Ну? — нетерпеливо спросил начальник станции. — Поговорили по душам? Что скажете?

Салазар выждал с ответом.

— Пожалуй, эта работа займет некоторое время.

Григер обреченно вздохнул, но, похоже, он и не ждал иного ответа.

— Ну... Вы здесь специалист, вам и карты в руки.

Доктор мог бы сказать, что в данном случае никакой он не специалист, что за годы практики он ни разу не сталкивался с чем-то подобным и не понимает, чем он может помочь, и что эта история, по его мнению, кончится плохо... Но вместо этого он спросил:

— У вас есть где остановиться? Меня устроит простая койка, но потребуется стол для работы...

— Разумеется, доктор. Подберем вам лучшие апартаменты. — Григер фыркнул. — Надеюсь, вас не пугают комары.

МЕРТВЫЙ ЛЕС

— И вот еще. Простите... — Салазар замялся. — У вас, случаем, не найдется чего-нибудь выпить? Желательно покрепче.

Григер криво усмехнулся:

— Предлагаю пройти ко мне в кабинет. У меня там припрятана канистра конфискованного самогона, и поверьте, лучше выпивки в этих краях вы не найдете.

За закрытой дверью сарая странная и страшная девочка снова начала петь.

Кухонные разговоры

На цыпочках Ива прокралась на Кухню и остановилась, скрестив руки на груди, с таким видом, будто торчит здесь уже битый час. Доброзлая Повариха стояла к ней спиной — мыла посуду в старой жестяной ванне, гремела кастрюлями и сковородками, ложками и поварешками, да так, что звон стоял на весь дом. Духи и тени от ужаса попрятались под кроватями и в пыльных шкафах; Некто Тоший сбежал на крышу, но и это не помогло — пришлось затыкать уши пальцами. В таком шуме и грохоте Повариха никак не могла слышать беззвучных шагов Ивы, ее легкого дыхания, и все же...

— Явилась наконец, чертовка, — пророкотала Роза, поднимая над головой громадную черную сковороду в хлопьях мыльной пены. На такой сковороде Ива могла бы уместиться целиком. — Ты где пропадала? Я уже два дня тебя не видела.

Ива глянула на нее, склонив голову. Главное — внимательно следить за мочками ушей, именно они начали меняться первыми. Но пока что отвислые уши Ро-

зы были обычного цвета, без тени зловещей белизны, а значит, Повариха сердится не по-настоящему. Пока, во всяком случае.

— То тут, то там. Гуляла по лесу, — сказала Ива. — Посмотри, что я тебе принесла.

Через плечо у нее висела расшитая бисером холщовая сумка, из которой Ива достала за шеи двух упитанных селезней — она подстрелила их на рассвете на берегу реки. Повариха отложила сковородку и старательно вытерла руки о передник, прежде чем, со всем почтением, принять подношение.

— Хорошая добыча. Ты же не забыла попросить у них прощения?

Ива фыркнула.

— Спрашиваешь! Сделала все как положено — и благодарила, и поделилась, и била с первой стрелы.

— Что ж, — сказала Повариха. — В таком случае сварим из них суп. А вот если бы ты еще принесла дикого чеснока...

Ухмыляясь от уха до уха, Ива достала из сумки обемистый пучок свежей зелени.

— Вот. И чеснок, и кислянка, и заячьи уши, и ведьмина трава. Хотела корневых яиц накопать, но рано еще, не успели.

— Ох ты ж, умная девица! — всплеснула руками Повариха. — Про все подумала! И даже ведьминой травы принесла, а ее попробуй отыщи.

Ива вытянула шею и чуть не заурчала, как довольная кошка. Всегда же приятно, когда тебя хвалят, а не пытаются оторвать голову. Повариха разложила дары на разделочной доске, еще немного попричитала, но в итоге вернулась к посуде.

МЕРТВЫЙ ЛЕС

— Так, может, расскажешь, куда ты сегодня забралась? — спросила она, погружая руки в мыльную воду и выуживая из нее пузатую кастрюлю.

— Ходила на север, — пожала плечами Ива. — Ты знаешь, что если у реки встать против течения, закрыть глаза и идти прямо и прямо, то можно найти круглую башню из черных камней, в которой живут карлики в шапках из перьев?

Роза поджала губы.

— Я слышала про них. Злой народ, держись от них подальше.

— Да я уже поняла, — вздохнула Ива. — Они кидались в меня камнями, рыбьими костями и всякими отбросами. Но что поделаешь, если у подножия той башни растет самая сочная ведьмина трава во всем лесу?

— Само собой. Лучше всего ведьмина трава растет там, где пролилась невинная кровь. Как бы и на твоей кровушке не выросла пара свежих кустиков.

Ива звонко хлопнула себя ладонями по бедрам.

— Еще чего! С такими ногами этим коротышкам ни-почем за мной не угнаться!

Повариха смерила ее взглядом и хмыкнула:

— И то верно. Уж ноги-то ты отрастила что надо. Мне бы такие ноги в твои годы, уж я бы... Ну, пара зим, и, глядишь, отрастишь и все остальное.

— Бе! — Ива показала ей язык. — А еще я видела место, где проползал Великий Червь Пожирающий Камни. Матушка мне про него когда-то рассказывала. Представляешь, земля там до сих пор как стекло, а сколько уже тысяч лет прошло!

— Как бы этот червяк вместе с камнями не пожрал еще и одну чересчур самоуверенную девчонку, — на-

хмурилась Роза. — И в кого ты уродилась такая непоседа?

Ива развела руками:

— А Матушка дома?

— Может быть. Я не видела, чтобы она выходила за ворота. Но Госпожа ходит своими тропами.

— Пойду ее проведу, — сказала Ива. — И жду не дожусь утиного супа!

Она демонстративно облизала губы и со смехом выскочила из кухни. Доброзлая Повариха, улыбаясь, проводила ее взглядом. Однако не успели стихнуть шаги в коридоре, как улыбка Розы скисла, словно бы ей под нос сунули тухлое яйцо. Она поморщилась, не понимая, что не так. В мире будто что-то изменилось. В красивую мелодию откуда-то пробралась фальшивая нота.

Повариха отложила в сторону посуду и прошла по кухне — прислушиваясь и принимаясь, пробуя на вкус воздух. Что-то сломалось, что-то испортилось, но где и что именно? Может, виной всему селезни, которых принесла Ива? Что, если девчонка что-то напутала или забыла, и теперь это проклятая пища? Но нет — утки пахли как полагается, все с ними в порядке. Тогда что же ее беспокоит? Беспокоит так, что заныли шрамы на спине, рука легла на рукоять самого острого тесака, а мочки ушей побледнели.

Но потом Роза поняла, что виной всему некий звук — монотонное гудение на самом пределе слуха. Она не столько услышала его, сколько почувствовала. Гадкий звук, неприятный, надоедливый, точно назойливая муха. Повариха завертела головой, пытаясь понять, откуда он доносится, но не смогла определить источник. Может, он звучал только у нее в голове?

МЕРТВЫЙ ЛЕС

Повариха почесала мизинцем в ухе, но странный звук не исчез и даже стал громче. Мерный гул, то выше, то ниже, каким-то образом он проникал в нее и резонировал в костях. Повариха сжала челюсти, нож упал на пол. Беспричинная тревога нарастала как снежный ком. Что-то здесь не так... Она же ведь где-то слышала что-то подобное, этот звук, эту... *Песню?*

В темной комнате

— Матушка? — Ива приоткрыла дверь и осторожно заглянула внутрь.

В лицо подул холодный ветерок, и в носу засвербело от запаха сухой паутины. Ива глубоко вздохнула, лишь бы сразу не расчихаться. Из-за двери выскочил паучок размером с ноготь большого пальца и умчался вниз по коридору на длинных и тонких ногах. Ива замерла на пороге, прислушиваясь к шороху и шепоту теней.

— Входи, дитя, не бойся, — наконец послышался из темноты голос мягкий и ласковый, но было в нем и что-то такое, отчего у Ивы зашевелились волоски на руках. А впрочем, ей ли бояться? Ива рыбкой юркнула за дверь и беззвучно прикрыла ее за собой.

Ей потребовалось совсем немного времени, чтобы глаза привыкли к темноте, и чуть больше — чтобы погрузиться в атмосферу размеренного спокойствия, царившую в этой комнате. Здесь никто и никогда не спешил, и даже ее беспокойное сердце начинало биться медленнее. Здесь застыло само время. У дальней стены возвышались напольные часы в деревянном корпусе — их стрелки давно остановились, тяжелый бронзовый маятник оплела паутина. Искусно вырезанные импы и гротескные горгульи креп-

ко спали и изредка глубоко зевали, не размыкая деревянных век.

Матушка сидела в кресле и, по своему обыкновению, что-то вязала. Мелькали костяные спицы и длинные пальцы, но в этом мельтешении не было никакой суеты. В темноте комнаты ее бледное лицо светилось, точно луна ясной ночью, но глаза оставались бездонными черными провалами.

— Где ты пропадала, солнышко? — спросила она ласково, ни на секунду не прекращая вязания. То, что струилось из-под ее спиц, походило на покрывало, сплетенное из прядей утреннего тумана, или, быть может, на тонкую рыболовную сеть. Но какую рыбу можно поймать такой сетью? Уж точно не речную форель.

Скрестив ноги, Ива села на пол рядом с креслом. Любопытный паучок пробежал по ее руке до плеча, спрыгнул и исчез в темноте.

— Гуляла по лесу, — сказала Ива. — Выслеживала кое-кого.

— И выследила?

— Нет, — вздохнула Ива. — Пока еще нет.

— Будь осторожна, милая. Охота — дело непростое, и кто знает, куда заведет тебя эта тропа. Ты ведь помнишь, чему я тебя учила?

— Конечно помню! — возмутилась Ива. — И ты, Крестный и Роза... Все только и делают, что чему-то меня учат.

Протянув одну из рук, Матушка потрепала ее по макушке.

— А ты все так же непослушна и нетерпелива, вороненок. — Она подцепила длинную черную пряжу дочери и намотала на палец. — Боюсь, даже когда эти

МЕРТВЫЙ ЛЕС

волосы станут белыми как снег, ты все равно не успокоишься...

— А зачем? — спросила Ива, заглядывая в ее бездонные глаза, и на это Матушка Ночи ничего не смогла ответить, лишь печально улыбнулась.

Но вдруг что-то в ее лице переменялось: ни с того ни с сего оно стало острее и злее, глаза сузились, губы вытянулись в тонкую ниточку. Матушка выпрямилась в своем кресле, отдернула руку с головы дочери и прекратила вязать.

— Что-то случилось? — насторожилась Ива.

— Ты слышишь это, дитя? — спросила Матушка Ночи.

Ива завертела головой, прислушиваясь к шорохам и шепоту темноты и прочим звукам дома. Где-то в коридоре скрипнула половица, кто-то пробежал, громко топая маленькими ножками, ветер и духи завывали в трубах, на чердаке печально ухнула сова. Причудливые и странные звуки, но для Ивы в них не было ничего необычного.

— Что именно?

— Песню. — Матушка нахмурилась. Меж тонких угольно-черных бровей появилась глубокая складка.

— Нет, — сказала Ива. — Какую еще песню?

Матушка ответила не сразу, но Ива умела ждать. Она сидела тише, чем мышь в доме, полном кошек, не смея пошевелиться и лишний раз вдохнуть. Наконец Матушка немного расслабилась, напряженные плечи поникли, и костяные спицы снова застучали, задавая ритм ее речам.

— Я расскажу тебе историю, — начала она. — Давным-давно, когда солнце было луной, а луна солнцем, когда Большой Лес простирался до самого края земли, а его тропы топтали звери, о которых никто и не пом-

нит, в те далекие времена у людей не было языка. Они не знали слов, не знали криков и были немые как рыбы, все до единого. Плохо им было без языка: никто не мог позвать на помощь, никто не мог предупредить об опасности, они теряли друг друга в темноте ночи, они пропадали в глубинах пещер. Они не знали сказок и историй и не могли делиться ими со своими детьми... И жила тогда одна птица по имени Птица. Однажды она сидела на ветке большой березы, а внизу копошились люди — те, что не знали ни слов, ни звуков. Посмотрела на них Птица и почувствовала такую жалость в своем сердце, что слезы брызнули из ее глаз. И тогда птица сказала: «Я Птица, я знаю сто сотен Песен, а эти голые птенцы не знают ни одной. Я могу подарить им одну Песню, с меня не убудет». Она выбрала одного ребенка и научила его Песне Радости, и это был первый человек, который засмеялся. Но потом Птица увидела, что одной Песни людям мало. Тогда она выбрала другого ребенка и научила его Песне Горя, и это был первый человек, который заплакал. Но и двух Песен людям оказалось мало, и тогда Птица научила людей множеству других песен — Песне Охоты и Песне Любви, Песне Дня и Песне Ночи... Все сто сотен Песен добрая Птица отдала людям. Но и этого им оказалось мало. И когда Птица спустилась к ним в последний раз, они поймали ее, убили и съели. Из ее перьев женщины сделали себе украшения, из ее костей мужчины сделали рыболовные крючки. С тех самых пор птицы больше не плачут, а у людей появились Песни. Это уже потом, много позже, люди разобрали Песни на кусочки и сложили из них слова... Но вначале, вначале были Песни.

Матушка замолчала. Ива шмыгнула носом и сморгнула навернувшиеся слезы.

МЕРТВЫЙ ЛЕС

— Бедная Птица! Эти люди обманули ее! Они забрали у нее самое дорогое, а сами...

Матушка Ночи едва заметно пожала плечами.

— Такие были времена.

— Ничего не изменилось, — зло сказала Ива. — Эти люди и сейчас продолжают брать и ничего не отдают взамен, а то, что берут, они ломают и портят, и...

— Но ты тоже человек, — мягко напомнила Матушка и, протянув руку, вытерла слезы на щеках дочери. — Люди бывают разные, как и птицы. Как и Песни. Помни об этом.

Она снова беспокойно огляделась. Тень пробежала по узкому лицу, словно крыло ночной птицы на мгновение скрыло бледный лик луны. Ива напрягла слух, но все впустую.

— А какую Песню ты слышала сейчас? — спросила она.

Матушка опустила голову.

— Последнюю Колыбельную, — чуть помедлив, ответила она. — Это старая Песня...

— Песня для сна? — спросила Ива, вспоминая все те колыбельные, которые пела ей Матушка. Песни без слов и песни со словами, которых Ива не знала и не понимала, — Хозяйка Ночи знала все колыбельные мира.

— Нет, милая, это другая Песня. Эта песня для смерти.

Тихая ночь

Салазару снился сон, и в этом сне он был кем-то еще. Не доктором и даже не человеком, а беззащитным зверем, загнанным в ловушку и обреченным на смерть. Оле-

нем, которого затравили волки, белкой, пойманной куницей, полевкой в когтях у совы... Всеми ими сразу. Смерть в тысяче своих обличий стояла у него за плечом и пела ему песню тысячей своих голосов. Но голоса менялись, а песня оставалась все той же — медленная и тягучая, звучащая то выше, то ниже, стирающая все, что некогда было важным, и оставляя взамен покой и забвение...

Салазар проснулся мокрый как мышь; и простыни, и наволочки хоть отжимай. Шерстяное одеяло комом сбилось в ногах, видимо, доктор сражался с ним всю ночь и, похоже, победил. Глупейший поступок с его стороны. Но откуда ему знать, что комары со всего леса так обрадуются его визиту, что закатят грандиозную вечеринку и соберут на нее всех своих родственников, друзей и знакомых? То, что в лесу много комаров, — самый очевидный из всех очевидных фактов. Но Салазар и подумать не мог, что их окажется *настолько* много. За эту ночь он потерял не меньше стакана крови, а от бесчисленных укусов у него чесалось все, что могло чесаться.

Застонав, Салазар перевернулся на один бок, на другой, попытался ногтями содрать кожу с колена — вдруг поможет? — и в итоге не выдержал и сел на краю кровати.

Чувствовал он себя препаршиво. Как если бы его прокрутили в стиральной машине вместе с кустом колючего чертополоха. Голова, к счастью, не болела, но вместо этого ломило суставы, во рту пересохло, а на языке держался гадкий привкус болотной тины. Хотелось немедленно прополоскать рот, и желательно — едким шелоком. Самогон, которым угощал его Григер, на деле оказался коварной штукой, и если такая гадость творится у него во рту, то страшно представить, что происходит сей-

МЕРТВЫЙ ЛЕС

час в желудке. Впрочем, сказал себе доктор, он не ослеп, а это уже большой плюс.

В комнате было нестерпимо душно. Удивительно: уж чего, а свежего воздуха в лесу должно хватать с избытком. На деле же его оказалось меньше, чем в переполненном автобусе с задраенными окнами. Видимо, эта духота и породила ночные кошмары. Духота и алкоголь, по крайней мере, такое объяснение звучало логично.

На соседней койке похрапывал Ласло — тот самый молодой егерь, который привез его на станцию. Отдельной комнаты для доктора не нашлось, пришлось разделить кров с этим словоохотливым парнем. Не то чтобы Салазар возражал, но... События прошлого вечера расплывались как в тумане. Но, кажется, перед тем как доктор отключился, Ласло битый час донимал его вопросами о таинственной девочке. Мол, что Салазар думает об этой истории и что теперь надлежит делать. Вопросами, на которые у доктора не нашлось ответов. Даже на самый главный.

— А вы сами как думаете, господин доктор, она вообще человек? — Голос Ласло дрогнул, и в его веселых глазах Салазар разглядел испуг.

— Я? Не знаю... — Он покачал головой, хотя в его состоянии делать этого не стоило. Мир и без того шатался, а зашатался еще сильнее. — Честно — не знаю.

Салазар провел ладонью по потному лицу. Проклятье... У него жар или это кажется? Ему одновременно хотелось и пить, и в туалет. Чудо, что мочевой пузырь еще не лопнул. Салазар напряг память, пытаясь вспомнить наставления Григера о том, где искать уборную: мимо корпусов в сторону леса, до дощатого домика. На станции все удобства были, как говорится, «во дворе». Глав-

ное, не заблудиться в темноте. Будить Ласло, чтобы попросить у него фонарь, Салазар постеснялся.

Он посидел еще немного на краю кровати, но в конце концов нужда заставила подняться. Стараясь особо не шуметь, доктор заковылял к выходу. Стоило открыть дверь, и в комнату ворвался поток прохладного ночного воздуха. Ласло проворчал что-то невнятное, но не проснулся, а перевернулся на другой бок и натянул одеяло на голову.

Доктор ненадолго замешкался на пороге, пытаясь понять, куда идти. Может, кто другой на его месте наплевал бы на условности и не стал бы далеко отходить от корпуса. Но строгое воспитание не дает расслабиться именно в самые неподходящие моменты. В конце концов, подумал Салазар, среди егерей были и женщины, и не хотелось, чтобы его застукали со спущенными штанами.

Темнота снаружи была не такая уж непроглядная. Светила луна, не полная, но достаточно яркая, чтобы не напрягать глаза. И под ее присмотром доктор пошатываясь побрел мимо корпусов в нужном, как он думал, направлении.

Ночь оказалась на удивление тихой, совсем не такой, какой должна быть ночь в лесу. В городе, когда доктор хотел расслабиться, он иногда включал записи со звуками ночного леса: шепот ветра в густой листве, журчание ручья, стрекот цикад и птичьи трели... Но сейчас, в настоящем лесу, Салазар ничего подобного не услышал. Его обняла тишина, такая плотная, что казалось, ее можно потрогать руками. Как будто лесной воздух впитывал в себя все звуки, поглощал их точно губка. Один-единственный раз из чащи донесся резкий вскрик — доктор не понял, птица ли это или зверь, —

МЕРТВЫЙ ЛЕС

и снова сгустилась тишина. Как в комнате со стенами, обитыми пробкой.

В какой-то момент Салазар понял, что очутился напротив сарая, в котором держали девочку из леса. Он остановился у двери и прислушался. Ничего. Должно быть, странное создание — «существо», как назвал его Григер, — все-таки уснуло. Доктор решил, что это хороший знак. По крайней мере, девочка прекратила петь. Салазар сильно сомневался, что сможет когда-нибудь забыть жуткую тягучую мелодию, и знал, что еще не раз она будет ему сниться в самых страшных кошмарах. Но сейчас он ее не слышал, и это радовало.

Доктор немного потоптался у двери, но затем поспешил дальше по утрамбованной дорожке между корпусами. И только когда он добрался до туалетов, его вдруг осенило.

Замок! На двери сарая должен висеть замок. Тяжелый ржавый амбарный замок, по виду — настоящий антиквариат. Салазар отлично помнил, как Григер отпирал, а потом закрывал его. А на двери, у которой он остановился, никакого замка не было. *Странно...* Кто-то из егерей снял его? Но зачем?

Салазар поежился. Вот что за глупые мысли лезут в голову? Это темнота и тишина всему виной. Говорят, сон разума порождает чудовищ, но эти двое справляются не в пример лучше. Наверняка ему просто показалось, он чего-то не разглядел, а то и вовсе перепутал двери. В конце концов, на этой станции все здания выглядят одинаково, ну, а чтобы лишний раз не думалось, на обратном пути он еще раз проверит.

Салазар поднял голову и успел заметить, как по лунному лику скользнула быстрая тень. Может, летучая мышь,

а может, и сова. Тихая ночь оказалась не такой уж и безжизненной, кто бы мог подумать! Однако же куда больший сюрприз ожидал доктора, когда он опустил взгляд.

Кто-то сидел на корточках на краю крыши ближайшего корпуса. Салазар разглядел лишь темный силуэт, очерченный по краю лунным светом. Точно вырезанная из черной бумаги фигурка из театра теней.

Салазар не испугался, хотя и вздрогнул от неожиданности. Видимо, подсознательно он ждал чего-то подобного. Доктор знал, что не спит, и тем не менее все происходящее несло на себе отпечаток причудливой логики сновидений. Любая странность воспринималась как нечто само собой разумеющееся.

Фигура на крыше оставалась неподвижной. Как если бы это была диковинная горгулья, вытесанная не из камня, а из темноты, из плоти самой ночи. Мелькнула мысль, что это лесная девочка — в точно такой же позе она сидела, когда Салазар ее покинул. Но некто выглядел заметно крупнее пленницы. Взрослый, а не ребенок. При условии, что это вообще человек, в чем доктор засомневался. Уж больно непропорциональной и изломанной казалась таинственная фигура. Слишком много прямых линий, и все — под неправильными углами. Неестественно вытянутая голова с плоской макушкой клонилась набок, и доктор не сразу сообразил, что это всего-навсего шляпа.

Салазар так и не понял, как долго он таращился на странную фигуру на крыше. Должно быть, не более нескольких секунд, но время будто остановилось. А потом еще одна быстрая тень пересекла луну, и на этот раз это точно была летучая мышь. И доктор очнулся от забытья.

МЕРТВЫЙ ЛЕС

— Эй! — крикнул Салазар, вот только голос прозвучал не громче шепота. — Эй! Кто... Что вы здесь...

В то же мгновение темная фигура метнулась в сторону и исчезла за краем крыши. Салазар же остался стоять, уставившись в пустое пространство и гадая, не померещилась ли ему эта встреча. Не иначе как у него случилось кислородное отравление от избытка свежего воздуха, вот и мерещится невесть что. Так ведь бывает? Доктор замотал головой в безуспешной попытке стряхнуть наваяние. В этом лесу чего только не бывает.

На обратном пути Салазар все же завернул проверить дверь сарая, исключительно ради собственного спокойствия. И лучше бы он этого не делал. Навесной замок и в самом деле отсутствовал — кто-то попросту вырвал его вместе с петлями. И стоило слегка потянуть за ручку, как дверь тут же распахнулась.

Салазар застыл на пороге. Войти в сарай он не осмелился. Он уже знал, что таинственной девочки там не окажется и глупо даже пытаться ее там найти. Сама или с чьей-то помощью она смогла сбежать.

Салазар медленно опустил руки. Наверное, он должен поднять тревогу, должен известить Григера или еще кого, должен хоть что-то предпринять. Но доктор не двинулся с места. Он же с самого начала знал, что этим все и закончится. С того самого момента, как увидел эту бледную девчонку. Ведь, как ни крути, а она была чудом. Пусть недобрый, даже страшным, но все-таки чудом. Никакие двери и замки, никакие ремни не способны его удержать. Чудо появляется и исчезает тогда, когда ему вздумается.

Доктор, пятясь, отошел от сарая и, опустив голову, поплелся обратно в свой корпус. Случившееся еще пред-

стояло осознать или же принять как данность. Но это потом, а сейчас доктор был не способен об этом думать.

В таком сомнамбулическом состоянии Салазар добрался до корпуса и даже умудрился не заблудиться по дороге. Дверь оказалась открыта, но тут ничего удивительного — он сам же ее не запер, а остальное сделал ветер. Ох, и налетело поди комаров, но хотя бы Ласло перестал храпеть...

Салазар вошел в домик и тут же обо что-то споткнулся в темноте, чуть не упал. Медленно, все еще пребывая в липком полузабытье, доктор опустил взгляд и... Салазар только и успел, что пару раз моргнуть, прежде чем осознание случившегося обрушилось на него как горная лавина — круша и ломая все на своем пути.

Раскинув руки, на полу лежал Ласло. Лицом вниз в луже собственной крови. В огромной блестящей лаково-черной луже.

Именно тогда Салазар и закричал, но своего крика он не услышал.

Как дикие звери

Медленно, заметно пошатываясь, из домика вышла девушка-фельдшер — коренастая, крепко сбитая, из тех, про которых принято говорить «кровь с молоком». Но на лице ее не было и кровинки. Она остановилась, опираясь о стену, бледная как сама смерть, под глазами чернели круги. Несколько минут она стояла, согнувшись чуть ли не пополам, и тяжело дышала, но затем нашла в себе силы, выпрямилась и зашагала к Григеру. О чем они говорили, Салазар не слышал, но разговор был долгий. Наконец начальник станции отпустил деви-

МЕРТВЫЙ ЛЕС

цу — она отошла на пару шагов, и вот тут-то ее и вывернуло наизнанку.

Доктор Салазар сидел на земле, укрытый теплым шерстяным одеялом, но дрожал так, будто голышом очутился на Северном полюсе. В трясущихся пальцах тлела сигарета, и доктор понятия не имел, как она там оказалась. Он даже не затягивался — просто смотрел на то, как змеится струйка сизого дыма, как растет, загибаясь вниз, столбик пепла, а затем обламывается и падает на край одеяла. В любой момент, представлял Салазар, это одеяло могло вспыхнуть, как пропитанная бензином тряпка, он не успеет скинуть его, прежде чем сам обратится в горящий факел. Эта мысль нисколько его не пугала, даже наоборот. Думать о собственной смерти оказалось куда легче, чем о смерти чужой.

Чеканя шаг, к Салазару подошел Григер. Видно было, что он порывается что-то сказать: пышные усы то и дело начинали мелко дрожать, но слова не приходили. Не выдержав, начальник станции достал из кармана мятую пачку, прикурил с четвертой попытки, ломая спички, и не меньше минуты дымил как паровоз, затягиваясь так глубоко и так часто, что в итоге закашлялся и долго не мог прийти в себя.

— Глаза и язык, — наконец сказал Григер. — Ему выдавили глаза и вырвали язык... Шея сломана.

Лицо начальника станции было белым как полотно. От его вовсе не напускной мужественности не осталось и следа. Горящий кончик сигареты метался из стороны в сторону.

— Вы знаете, кто так поступает? — спросил он.

— Сумасшедший? — предположил Салазар, хотя и знал, что ответ неверный.

— Нет, — резко ответил Григер. — Разве что этот псих воображает себя тигром или леопардом. Волком.

— В смысле? — не понял доктор.

— Так нападают дикие звери, — объяснил Григер. — Ломают шею, а после поедают мягкие ткани. Вот что я имею в виду.

— То есть, — Салазар слотнул слюну, — хотите сказать, что это сделал какой-то зверь?

Григер посмотрел на него так, что на секунду доктор испугался, что тот его ударит. Не со зла, а лишь для того, чтобы хоть как-то выплеснуть свои страх и гнев, обиду и боль. Но начальник станции сдержался.

— Я ничего не хочу сказать, — буркнул он. — Это просто факты.

Утро еще не наступило, но ночь уже ушла, уступив место серым предрассветным сумеркам. Скоро темные макушки деревьев вспыхнут жидким золотом, и с первым лучом солнца начнется оглушительный птичий концерт. Но лес молчал. Он словно бы затаил дыхание.

Григер швырнул недокуренную сигарету под ноги и яростно втоптал в землю.

— Я не понимаю, — сказал он, — как? Как она это сделала? Как она смогла выбраться? Как...

— Она? — переспросил Салазар.

— А кто же еще?! Эта мерзкая тварь, лесная дрянь...

— Не думаю, что это она, — сказал доктор.

— Не думаете? В смысле «не думаете»? Да вы же сами мне рассказали, как она на вас набросилась — там, в сарае.

— Я помню, — вздохнул Салазар. — А еще я помню, что рассказал вам, как видел кого-то этой ночью. Какой-то человек сидел на той крыше.

МЕРТВЫЙ ЛЕС

Доктор махнул рукой, указывая направление. Одеяло упало с плеч, он не стал его поднимать.

Григер провел ладонью по лицу.

— Да, рассказали, — признал он. — Черт! Вы даже не представляете, насколько дико это звучит. Но...

Начальник станции глубоко вздохнул, и плечи его поникли.

— Она была не одна. Это многое объясняет. Мы ее забрали, но кто-то нас выследил и пришел за ней. Проклятье! Может, их тут целое семейство!

— Семейство кого? — поежился Салазар.

Григер скривил рот.

— Откуда я знаю? Это вы здесь специалист. Каких-то дикарей, одичалых психов, черт его знает... Может, это какой-то кровавый культ? В этом лесу кого только не встретишь. От хиппи-отшельников до сектантов-фанатиков. Браконьеры, самогонщики, черные лесорубы, прочий сброд. Мы тут как на войне, пусть никто этого и не замечает.

— Я... — начал доктор, но не нашелся что сказать и понуро опустил голову. Начальник станции сплюнул.

— А на войне, — сказал он, — разговор короткий. Есть ты, и есть враг, и врага нужно уничтожить. Это наша прямая обязанность, и правило здесь одно — либо ты, либо он.

— Уничтожить? — Салазар поднял взгляд. — В смысле...

— Да в прямом смысле! — рявкнул Григер и хлопнул кулаком по раскрытой ладони. — Не может тут быть никаких других смыслов!

— Это... — Салазар сглотнул. — Это противозаконно. Преступника полагается...

— Преступника? — перебил его Григер. — Нет здесь никакого преступника. Тот, кто это сделал, вообще не человек. Это дикий зверь, причем зверь бешеный. И у меня есть четкая инструкция, как поступать с бешеными животными.

И опять Салазар не нашелся что сказать. Он знал, что то, что говорит Григер, неправильно, но в глубине души прекрасно его понимал. Случившееся с Ласло... В голове не укладывалось, как такое может быть.

Доктор посмотрел на девушку-фельдшера. Она сидела на корточках спиной к стене корпуса и рыдала навзрыд. Возможно, их с молодым егерем что-то связывало? Возможно. Но доктор знал, что никогда не решится спросить об этом.

— И что вы собираетесь делать?

— То, что должен, — ответил Григер. — Выследить того, кто это сделал, и уничтожить.

Он силой ударил себя по щеке, размазав неудачливого комара, и показал Салазару ладонь с пятном крови прямо посередине.

— Вот что я собираюсь сделать, ясно?

Доктор торопливо кивнул. Григер, удовлетворенный этим, выпрямился и расправил плечи.

— Среди моих ребят хватает отличных следопытов, — сказал он, глядя на темную стену леса. — Даже не сомневайтесь, господин доктор, мы их быстро найдем.

Настоящее сокровище

Они кружили по лесной поляне — Урдак и девочка с бездонными черными глазами и черным окровавленным ртом. Кружили медленно, не останавливаясь, не спу-

МЕРТВЫЙ ЛЕС

ская друг с друга глаз. Ни один не решался повернуться спиной, оба держали дистанцию.

Урдак был озадачен. Девчущка-то совсем мелкая, ему ничего не стоило наброситься на нее, свернуть ее тощую шею и впиться зубами в еще горячую плоть. Его желудок просил и умолял об этом, едкая желчь стекала струйкой с уголка рта. Но Урдак был не настолько глуп. Он видел, что девчонка не так проста, как кажется, видел ее глаза и видел ее зубы. То, как она на него смотрела... В ее взгляде не мелькнуло даже тени страха. Она, так же как и он, приценивалась, примерялась. Как бы самому не стать ее обедом!

— Вы только посмотрите, мистер Гош, — сказал Урдак. — А кто это тут у нас?

Он вытащил медведя из кармана и вытянул руку, покачивая игрушкой из стороны в сторону. Голова мистера Гоша мотнулась, якобы просто так, но Урдак-то умел понимать его послания. «Будь настороже, — сообщил ему старый друг. — Она опасна!»

Девчонка чуть замедлилась, склонила голову, и в ее глазах Урдак разглядел некое подобие интереса. Он потряс медведем перед собой, голова мистера Гоша едва не отлетела в сторону.

— Деевочка... Ты хочешь поиграть? — проскулил Урдак. — Смотри, что у меня есть! Хочешь посмотреть поближе?

В ответ девчонка зашипела и отскочила на шаг назад. Черные глаза сверкнули. Нет... Ее так просто не возьмешь. И Урдак, склонив голову, сам отступил на полшага. Они продолжили кружить, как будто танцевали дикий танец.

— Кто ты? — спросил Урдак. — У тебя есть имя?

Девчонка не ответила, но Урдак и не ждал ответа. Чем-то она напомнила ему черноволосую мерзавку, детеньша Матушки Ночи. Но, конечно, это не она. Слишком тощая и костлявая, с неправильными чертами лица, да еще и без одежды. Ведьма бы такого не допустила. Все, кто жил в ее доме, ели досыта и тепло одевались. И пахло от этой девочки совсем иначе — болотом и лесом, и еще свежей кровью, а вовсе не дымом и домом. Но все же, все же... Урдак вытянул шею, присматриваясь, принюхиваясь. Все же они похожи — эта девочка и глупое воронье отродье. Как если бы одна была отражением другой, но отражением в грязном, кривом, испорченном зеркале, в луже, в болотном омуте, в чужих глазах... Урдак со свистом втянул воздух сквозь сжатые зубы. В его глазах.

— Кто ты? — снова спросил Урдак. — Я тебя знаю? Мистер Гош, мы знаем ее? Она наш друг?

Урдак знал, что ответ на этот вопрос — «нет». У него есть только один друг — мистер Гош, а других друзей нет и быть не может. Эта девочка ему совсем не друг... Но кто же? Почему он освободил ее, вместо того чтобы воспользоваться ее незащищенностью, когда была такая возможность? Почему они бежали вместе и почему она не сбежала от него? Урдак смутился, такого с ним прежде не случалось. Он никак не мог отделаться от чувства, будто знает эту девчонку, несмотря на то, что раньше они не встречались. Разве что... во сне?

— Косточки, — прошипела девочка, низко припадая к земле. — Мягкие косточки...

Ее ноздри широко раздувались, кончик длинного языка скользнул по синюшным губам, глаза сузились. Девочка беспокойно завертела головой. Отличный момент,

МЕРТВЫЙ ЛЕС

чтобы напасть, пока она, пусть и на мгновение, потеряла бдительность. Однако Урдак не шелохнулся.

— Сла-адкие... — протянула девочка. — Близко...

Все до единой кости на лице Урдака пришли в движение — как будто перестраиваясь и меняясь местами, отчего черты стали резче и жестче. Урдак сжал мистера Гоша в кулаке так, что тот обиженно заскрипел, а затем затолкал игрушку глубоко в карман.

Где-то далеко хрустнула сухая ветка. Послышались приглушенные голоса. Ветер донес запахи пота и дыма, огня и железа, страха и крови... Урдак знал, что это значит — опасность рядом. Не всегда он был охотником. Случалось и такое, что охотились на него.

По телу прокатилась нервная дрожь. Мышцы напряглись, натянулись жилы... Он был готов кинуться в сторону, в спасительную тень лесной чащи. Туда, где он знал все тропы и где никто не сможет его выследить. Но он остался стоять на поляне, глядя на сжавшуюся девочку.

Урдак вдруг понял, что не может ее бросить. Не может оставить ее один на один с преследователями. Отнюдь не из жалости, не из сострадания, не из симпатии... Нет — все эти «благородные» чувства ему неведомы. Урдака удержала исключительно жадность.

Ему нужна эта девочка. Глядя в ее непроглядно-черные глаза, на спутанные космы и торчащие ребра, Урдак увидел за ними нечто совершенно иное: возможности. Не важно, кем она была, не важно, откуда взялась, даже ее имя не имело значения. Главное, что она была ключом. Его пропуском, и не куда-нибудь, а напрямик в Дом Матушки Ночи. Урдак еще не знал, как работает этот ключ, но с этим он разберется. Сейчас же важно другое: девочка — настоящее сокровище, а сокровища нужно беречь.

— Эй, ты! Держись ко мне ближе. — Урдак поправил на голове цилиндр. — Держись ближе и не отставай. Нас ждет веселый денек.

Девчонка хищно оскалилась.

Только сказки

На душе у Ивы было беспокойно. Что-то странное творилось в лесу, что-то плохое. Беспричинная тревога давила на грудь, сжимала сердце и не давала сосредоточиться даже на самых простых делах. Ива пыталась читать — буквы не складывались в слова, взялась чинить оперение на стрелах — так все испортила.

За ужином дела обстояли не лучше. Превосходный утиный суп, который приготовила Повариха, показался ей безвкусным. Пока остальные жильцы Дома Матушки Ночи ели, и нахваливали, и просили добавки, Ива скребла ложкой по дну тарелки, вылавливая бледные кружочки моркови, и откладывала их в сторону. Если бы это заметила Повариха, всем им несдобровать — Роза по настоящему обижалась, когда ее стряпне не воздавали по заслугам.

Однако за ужином Роза и сама выглядела растерянной и подавленной. То и дело она замирала, устремив пустой взгляд на некую невидимую точку. Апофеозом ее отрешенности стало то, что она подала Некто Тошему утиное крылышко. В другой раз Повариха нипочем бы не допустила подобной бестактности. К чести человека-птицы, он не стал раздувать скандал, а молча обменялся тарелками с соседом. И этого Повариха так же не заметила.

Ива хотела спросить у Розы, что случилось, однако после ужина та улизнула и затерялась в глубинах дома.

МЕРТВЫЙ ЛЕС

Сил же ее искать у Ивы не нашлось, тем более что не было никакой гарантии, что она ее найдет. Так уж устроен Дом Матушки, что в лабиринтах темных коридоров затеряться куда проще, чем в самой густой лесной чаще.

Ночь Ива провела в своей комнате и своей постели.

Спала она с распахнутыми настежь окнами, но это не то же самое, что спать в лесу под звездами. В лесу на нее бы набросились комары и мошки, однако к Дому Матушки Ночи они подлетать побаивались. Казалось бы, при таком раскладе, когда никто не гудит и не звенит над ухом, Ива должна спать без задних ног. Но ничего подобного. Ей было то холодно, то жарко, душно, несмотря на ветерок из раскрытого окна. Она ворочалась с боку на бок, несколько раз перекадывалась головой то к окну, то к дверям и всерьез раздумывала над тем, не пойти ли спать на крышу.

Лишь под утро Иве удалось задремать. И ей снова приснился сон про черное лесное озеро и диковинную рыбу с человеческим лицом. Снова эта рыба звала ее в бездонные глубины, и на этот раз она пела ей песню без слов. Ива ее не слышала, но ощущала каждой клеточкой своего тела — медленная тягучая мелодия текла через нее, заполняя собой все и вся. Она звучала то выше, то ниже, и ее невозможно было не слушать. Ива дрожала и металась, как птица, попавшая в силки. В итоге запуталась в простынях и оттого проснулась. За окном уже забрезжил рассвет.

Ива выбралась из постели и, шлепая босыми ногами по сырому от росы полу, подошла к окну. Лес за оградой вознесся черной стеной, укутанной белым саваном утреннего тумана. Стеной неприступной, если не знать тайных троп и ходов, но Ива их знала.

На решетке ограды дремала ворониха; в рассветной дымке ее блестящее оперенье отливало лиловым и темно-синим.

— Кра! — крикнула Ива из окна.

Ворониха вскинула голову.

— Кра! Кра! — и, сорвавшись с места, тяжело полетела в сторону леса.

Некоторое время Ива стояла, обхватив руками голые плечи и провожая птицу взглядом. Сон окончательно растворился в зыбком свете раннего утра. Но мучившее Иву беспокойство никуда не делось. Что-то неправильное творилось в лесу, что-то плохое...

При всем желании Ива не смогла бы объяснить, откуда она это знает. Да и знанием это назвать сложно, разве что предчувствием. Что-то нашептали ей деревья, что-то прошелестел на ухо ветер, туман принес неприятный мускусный запах. Эти речи невозможно понять умом, а только прочувствовать.

Что-то плохое творилось в лесу...

Не выдержав, Ива торопливо оделась и собрала все, что могло понадобиться, — лук и стрелы, а еще два ножа. Один, кортик с прямым клинком, в красивых алых ножнах, она когда-то выклянчила у лейтенанта Юстаса из Пропашего Батальона. Это был нож для битвы, на случай если в лесу ей встретится тот, с кем не избежать схватки, — волк или вепрь, а может, кто и похуже. Другой нож ей подарил крестный. Чуть изогнутый, с широким лезвием, он нужен для того, чтобы резать шкуры и потрошить добычу. Это пока что ножу доставались кролики и птицы да рыба из реки, но Ива знала, что когда-нибудь его ждет встреча с настоящим Зверем.

МЕРТВЫЙ ЛЕС

Она не пошла к входной двери, а вылезла прямо в окно и спустилась по тугим плетям девичьего винограда, оплетавшего стену Дома. Так и короче, и быстрее, и не нужно волноваться о том, что кто-то сможет ее остановить. Если кто и видел ее уход, так это чертополохи — мелкие мерзавчики шныряли туда-сюда по двору, прячась в густой траве. Но о них можно не беспокоиться, они не выдадут.

Ива уже почти добралась до ворот, когда за спиной пророкотал тяжелый голос:

— Эй! Куда это ты направляешься?

На крыльце дома, скрестив могучие руки на могучей груди, стояла Доброзлая Повариха и смотрела на Иву из-под насупленных бровей. Но лицо ее было нормального цвета, да и вообще — в другой своей ипостаси Роза не стала бы задавать вопросов.

— В лес. — Ива решила обойтись без подробностей.

Повариха медленно кивнула.

— Подойди сюда, — велела она, и Ива не посмела послушаться. Она остановилась в полushаге от Розы — самое безопасное расстояние, чтобы в случае чего успеть отскочить в сторону. Ива любила Повариху, но рисковать собственной шеей не стоило.

— Ты ведь тоже это слышала? — спросила Роза, глядя поверх головы Ивы на волнующийся лес.

— Песню? Нет, не слышала... Но ее слышала Матушка. Она рассказала мне историю про птиц.

— На все-то у нее найдется история, — покачала головой Повариха. — Все сказочки да прибаутки. А я расскажу тебе другую историю...

Она смачно сплюнула себе под ноги.

— Давным-давно, — начала свой рассказ Повариха, — когда солнце было ярче, луна белее, а по земле ходили звери, каких ты никогда не видела, в деревне, что стояла на краю леса, жила одна женщина. Жила не хорошо и не плохо, был у нее муж и четверо сыновей, и женщина заботилась о них, как умела. Готовила им еду, стирала рубахи и пела песни, когда они не могли уснуть. Другой жизни та добрая женщина не знала, да и не хотела знать. Она жила, как жила ее мать, и мать ее матери, а если ты спросишь, была ли она счастлива, я скажу, что счастливее ее не было никого на свете. Муж ее был добрым человеком и никогда не обижал ее; он был хорошим охотником, и в их доме всегда было вдоволь еды. Сыновья ее выросли красивыми и сильными, и все девицы в деревне поглядывали на них украдкой, гадали, кто же кому достанется, и вздыхали по ночам...

Повариха замолчала. Ива не торопила ее, стояла молча, чуть согнувшись, и внимательно следила за тем, не начали ли бледнеть отвислые мочки ушей, не появились ли белые пятна на жилистой шее, не вздулись ли вены на сильных руках. Но ничего такого она не увидела, никаких признаков и примет надвигающейся перемены. Роза выглядела просто... усталой?

— И вот однажды, — продолжила Повариха, — шла та женщина от реки, в которой стирала рубахи для своих сыновей, и встретила Птицу, каких никогда прежде не видела. Птица сидела на трухлявом пне, большая и грязная, будто искупалась в золе и пепле, с уродливой лысой головой без единого перышка. Птица пела песню, какую женщина не слышала раньше, а ведь она знала сотню сотен разных Песен. И ей бы пройти дальше, ведь все зна-

МЕРТВЫЙ ЛЕС

ют, что не стоит разговаривать с незнакомыми птицами, но женщина остановилась и спросила: «Что это за песня? О чем ты поешь?»

Голос Розы зазвучал выше и резче, взгляд затуманился, плечи поникли, но она продолжала свой рассказ:

— «Я пою о том, чего ты не знаешь, — сказала черная птица. — О резне. О геноциде. О низших расах и тактике выжженной земли. О проломленных черепках и о вспоротых животах. Я пою о смерти и о том, что моим детям теперь надолго хватит еды». Ничего не поняла женщина, но слова напугали ее. «Как тебя зовут?» — спросила она лысую птицу, и та ответила: «Война». Еще больше испугалась женщина, побросала белые рубахи на красную землю и побежала в свою деревню. Да только прибежала она слишком поздно. Пролетела над деревней лысая птица и накрыла ее своими черными крыльями, а за нею пришли ее дети с огнем и железом. И пропала та деревня. Обратилась в дым, да горячий пепел, да холодную золу. Никого не осталось на пепелище. Всех забрали дети лысой птицы: и мужа той женщины, и ее сыновей, и юных девиц, что вздыхали по ночам. И я могла бы рассказать тебе, вороненок, что с ними стало, но я уже рассказала слишком много. Как увидела та женщина, что стало с ее деревней, что стало с ее мужем и с ее детьми, то переменилась она в лице и закричала страшным голосом. Бросилась она на детей лысой птицы и рвала их сильными руками. Но много их было, слишком много, когти у них были острые, а клювы крепкие, железные. Не смогла прогнать их женщина. Схватили ее дети лысой птицы и уже хотели выклевать ее горячее сердце да позабавиться. С кровью и мясом вырвалась женщина из их когтей, вырвалась и убежала в лес. И бежала, куда

у нее хватало сил... А то, куда она прибежала и кого она там встретила, — это уже совсем другая сказка.

Она замолчала и молчала так долго, что солнце успело подняться над лесом, омыло золотом острые макушки гигантских сосен и елей. Ива молчала вместе с ней. В лесу застрекотала сорока, «*тинь-тинь*» — запела зеленая пеночка.

— Это случилось на самом деле? — спросила Ива.

— Кто ж теперь скажет, вороненок? — вздохнула Роза. — Давно это было, слишком давно — теперь и лес совсем другой, и птицы в нем живут другие. Все это сказки, милая, только сказки.

По следу

— Они были здесь, — сказал высокий темноволосый егерь с татуировками на шее. Салазар не запомнил его имени. — Самое большее — пару часов назад.

До того парень почти четверть часа ползал по лесной поляне, разглядывая каждую травинку, каждую былинку. В какой-то момент Салазар решил, что сейчас егерь начнет нюхать землю, но до этого не дошло. Сам доктор не видел вообще никаких следов того, что на поляне кто-то побывал. Но куда ему...

Салазар не понимал, зачем он вызвался в этот поход. И не просто вызвался, так еще и настоял на своем решении. Он же не следопыт и не охотник, от него в лесу никакой пользы. Лишь путается зря под ногами. Но остаться на станции доктор не смог. От одного взгляда на ряды щитовых корпусов его начинало лихорадить. Потому-то он и натирал мозоли в мокрых башмаках, топая за Григером и его людьми по узким тропам. Потому-

МЕРТВЫЙ ЛЕС

то он и делал вид, что не замечает злых, презрительных и даже исполненных ненависти взглядов, которые бросали в его сторону егеря. Доктор не сомневался, что некоторые из них винят его в случившемся с Ласло. Да он и сам так думал. Если бы он той ночью не стал отходить от корпуса, если бы *по-настоящему* обратил внимание на сорванный замок, если бы поднял тревогу сразу, как заметил фигуру на крыше... Бесконечное «если» — худший из всех кругов ада, и жить ему в этом аду до конца своих дней. Его решение пойти с егерями не более чем жалкая попытка погасить пламя вины.

— Сколько их? — спросил Григер, поправляя на плече ремень охотничьего карабина. Из всего отряда только Салазар был без оружия.

Татуированный егерь мотнул головой.

— Двое, мужчина и ребенок. Они тут были довольно долго, то ли танцы какие танцевали, то ли пытались запутать следы...

— Танцы! — Григер в раздражении пнул какую-то кочку, ошметки мха полетели во все стороны.

— Петляли как зайцы, капитан. — Егерь выпрямился и махнул рукой. — Потом они направились туда. Если поторопимся...

Он бросил многозначительный взгляд на Салазара, но доктор притворился, что ничего не заметил. Конечно, именно он всех и задерживает, не будь его, егеря давно бы настигли добычу. Он расправил плечи, но у егеря это вызвало лишь злую усмешку.

— Тогда пошли. — Григер перехватил карабин удобнее. — Нечего ласы точить.

Татуированный уверенно зашагал к деревьям. За ним двинулся Григер, а следом потянулись и остальные егеря.

Салазар замыкал цепочку, держась на виду, но на некотором расстоянии. Все же он был чужаком — как среди этих людей, так и в этом лесу.

Эх... Дорого бы он отдал за возможность очутиться сейчас в своем кабинете, в своем любимом кожаном кресле, среди книг и скучных бумаг, в городе с его привычными запахами асфальта и выхлопных газов! Что бы там ни говорили об облагораживающем влиянии природы на человека и о том, что, для того чтобы достичь гармонии, люди должны выйти из четырех стен навстречу миру, — это же полная чушь! Выйти в мир, конечно. В мир, который только и ждет, как бы тебя сожрать? В конце концов, люди не просто так строили свои стены. Кто там сказал, что лес — это ад на земле? Салазар не помнил, но обеими руками был готов подписаться под этой максимой.

Лес давил на него всей своей зеленой массой. Все здесь было неправильным, даже свет, пробивающийся сквозь густую листву. Свет, в котором смешались темное золото и свежая зелень, мягкий, плотный и маслянистый. Наверняка какой-нибудь художник пришел бы от него в неопишуемый восторг. Но Салазар в жизни не брал в руки краски и кисти и, честно говоря, не собирался и начинать. Его этот свет раздражал и даже пугал. В какой-то момент ему стало казаться, будто он очутился глубоко под водой и того и гляди из-за ближайшего дерева выплывет косяк серебристых рыбок.

Даже время здесь подчинялось своим законам. Секунды и минуты то растягивались, то сжимались без какой-либо логики и смысла. Порой Салазару казалось, что прошло не меньше получаса, но стоило тайком взглянуть

МЕРТВЫЙ ЛЕС

на часы, и выяснялось, что миновало всего десять минут. Или же наоборот — пять минут по ощущениям на деле превращались в пятнадцать или двадцать. Без толку пытаться считать шаги или искать иные ориентиры, все равно он постоянно сбивался. Салазар чувствовал себя потерянным и одиноким. И он вполне допускал, что когда они выберутся из этого леса — если, конечно, выберутся, — то окажется, что снаружи прошло десять, а то и целых сто лет. Как в тех сказочных историях, которые он читал в детстве, о пленниках Волшебной Страны... Салазар терпеть не мог сказки.

Они шли молча, никто не переговаривался даже шепотом. Время от времени татуированный останавливался, оглядывался, а затем указывал в ту или иную сторону, и они сворачивали. Доктор давно утратил чувство направления и при всем желании не смог бы сказать, где находится станция. Ориентироваться же по солнцу и прочим приметам Салазар не умел. Он нипочем не выберется из этого леса в одиночку. Поэтому Салазар старался не отставать, пусть даже сильно устал и спотыкался о каждый второй корень, торчащий из земли. А это было непросто. Нельзя сказать, будто егеря спешили, но и скорости не сбавляли и ни разу не остановились, чтобы сделать привал.

Салазар заметил, что с самого начала похода Григер даже не попытался закурить. Не иначе как опасался, что запах дыма их выдаст. И, возможно, этим желанием сохранить их передвижения в тайне и объяснялась та враждебность, с которой егеря косились на него самого. От него одного шума было больше, чем от всего отряда. Именно он наступал на все сухие ветки, именно он ломился сквозь гибкий папоротник с треском, как через

валежник... Салазар не стыдился этого, но все равно чувствовал себя не в своей тарелке.

Татуированный вдруг остановился и поднял руку над головой. Все тут же замерли, будто бы их сковали чары неведомой лесной феи.

— Они знают про нас, — наконец сказал егерь, пригнувшись. — Знают, что мы у них на хвосте. И водят кругами.

— Я вижу, — кивнул Григер. — Думают, что умнее нас, да?

Егерь пожал плечом.

— Вполне возможно, капитан. Но они держат дистанцию, и не похоже, чтобы особо устали. Это может тянуться очень долго.

— А если двинуться навстречу? — предложил начальник станции. — Или разделить и взять их в клещи?

— Может, и сработает, но... — с сомнением протянул татуированный. — А если это уловка? Они намеренно водят нас по кругу, чтобы мы поверили и повернули, а сами именно тогда и соскочат. Мы потеряем еще больше времени, а у них появится шанс улизнуть.

— Не слишком ли сложно? — нахмурился Григер.

Татуированный снова дернул плечом.

— Я бы именно так и поступил.

— Ясно. — Григер потянул себя за ус. — А если организовать засаду и попробовать их загнать?

— Мысль, конечно, — без энтузиазма сказал егерь. — Но чем сильнее мы разделимся, тем выше у них шанс проскочить. Больше бы людей...

— Понимаю, — скривился Григер. — Я запросил подкрепление, но когда они до нас доберутся?

МЕРТВЫЙ ЛЕС

— Выходит, у нас нет выбора, — развел руками татуированный.

Григер промолчал. Он смотрел на лес, прикрыв глаза ладонью. По лицу скользнула тень.

— Ты слышал историю про Пропавший Батальон? — неожиданно спросил он.

— Э... — растерялся татуированный. — Это какая-то легенда вроде? Ну, может, краем уха. Я не особо интересуюсь такими штуками.

— Легенда... — вздохнул начальник станции. — В конце концов все превращается в легенду. Давно это случилось, лет двести назад. Тогда еще война была. Так вот, из местных собрали пехотный батальон и отправили маршем к местам грядущей славы. Кто-то говорит, что напрямик через лес, но это глупость, конечно. Вышли они по обычной дороге, той, где сейчас шоссе. Но куда они не дошли, пропали. Сотни людей видели, как батальон вошел в лес — знамена, барабаны, все как тогда полагалось. А вот того, чтобы хоть кто-то вышел из леса, — этого не видел никто. Их искали, ясное дело, и не один год. Но никаких следов, будто растворились. Ушли в туман и не вернулись.

— Честно? — Татуированный поскреб щетину на подбородке. — Я вообще не удивлен. Что там батальон, в этом лесу запросто можно потерять пару армий. Даже сейчас, а уж двести лет назад!

— Вот именно, — сказал Григер. — Это я к тому, что этому лесу нельзя доверять. Рассчитывать мы можем только на себя. И останавливаться не имеем права. Упустим этих тварей сейчас, не найдем уже никогда.

— Ясное дело, капитан. — Егерь, казалось, даже обиделся.

— В общем, все поняли. — Григер выпрямился. — Тогда хватит время терять.

И они пошли дальше, по неприметным лесным тропам и по невидимым следам. Салазару стало казаться, что он угодил в бесконечный сон, из которого не может быть пробуждения. Что теперь до окончания времен он будет блуждать по этому лесу без надежды отсюда выбраться. Может быть, если повезет, они встретят на своем пути легендарный Пропаший Батальон, о котором рассказывал Григер, но как встретят, так и разойдутся, не обменявшись и парой слов.

Ровный ритм шагов, мельтешение корней и опавшей листвы под ногами — все это медленно, но верно погружало его в некое подобие транса. Доктор спал на ходу, пусть и с широко раскрытыми глазами. Мысли его поплыли, он ни на чем не мог сосредоточиться.

Справа громко затрещала какая-то птица. Салазар вздрогнул, оборачиваясь на звук. И в тот же момент его нога по шиколотку провалилась в незаметную нору. Лисы или кролика, черт его разберет. Доктор вскрикнул и тут же застонал. От резкой боли аж в глазах помутилось. Будто кто-то схватил его за ногу и повернул ступню вокруг оси с явным намерением ее оторвать. Не удержавшись, Салазар упал вперед, и тут же ногу, точно раскаленный добела гвоздь, пронзила еще одна вспышка боли.

— Что случилось?! — услышал он голос Григера и только тогда поднял взгляд.

Все егеря смотрели на Салазара, и в их глазах он не заметил ни удивления, ни сочувствия. Лишь раздражение, досаду и мрачное злорадство. Как будто все они с самого начала знали, что этим и закончится. Может, даже заключали пари, когда этот докторишка сядет в лужу.

МЕРТВЫЙ ЛЕС

— Я... — Салазар сглотнул. — Кажется, я подвернул ногу...

В лодыжку будто вонзили кривой тупой нож и теперь проворачивали его по кругу. Салазар попытался освободиться, но с первого раза не получилось. Нора держала крепко и отпускать не собиралась.

— Черт возьми, доктор! — выругался Григер. — Неужели так сложно смотреть под ноги?

— Я... — Салазар не нашелся что сказать и хныкнул совсем по-детски.

— Кто-нибудь, — не выдержал Григер, — помогите ему!

К доктору подскочили двое егерей: быстро и умело освободили из ловушки и, поддерживая под руки, усадили под ближайшим деревом. Кто-то сунул под нос флягу с водой, но Салазар замотал головой — пить совсем не хотелось.

Начальник станции опустился перед ним на корточки.

— Больно?

— Терпимо, — ответил Салазар и поморщился. Нogu будто сдавили в тисках и продолжали давить, дробя кости. Доктор держался изо всех сил, но по щекам все равно потекли слезы. Не от боли, от обиды.

Григер поджал губы.

— Плохо дело. Может, и перелом... Вы же доктор!

— В другой области, — напомнил Салазар и снова скривился.

— Ясно с вами. — Григер выпрямился. — С такой ногой вы не ходок. Придется возвращать вас на станцию. Очень вовремя, конечно. Знал же, что не нужно вас брать.

— Я не... — начал оправдываться доктор и тут же прикусил язык. Он чувствовал себя виноватым, будто

подвернул ногу по собственному желанию, хотя отлично понимал, что это несчастный случай.

— Черт с вами! — Григер оглядел своих людей. — Ханс, — обратился он к плотному мужчине средних лет. — Останешься с доктором.

— Я? А че я-то? — попытался возмутиться егерь, но под взглядом начальника станции сник.

— Потому что у тебя руки не из жопы растут, — сказал Григер. — Сооруди какой-нибудь костыль, и возвращайтесь на базу. Пусть Ло им займется.

— Понял, капитан, — вздохнул Ханс, и судя по взгляду, которым он наградил Салазара, перспектива возиться с «увечным» его совсем не обрадовала.

— Тогда до встречи на станции. — Григер поправил карабин. — Не волнуйтесь, господин доктор, наша Ло быстро поставит вас на ноги.

Он пошутил, но даже не улыбнулся.

Правила охоты

— На охоте нет правил, моя дорогая, — сказал Урдак. — Никаких. Здесь либо ты, либо тебя.

Он почесал костлявый подбородок. Девочка смотрела на него бездонными черными глазами. Смотрела очень внимательно, не отрываясь, но при всем желании Урдак не смог бы сказать, понимает ли она хоть слово из того, что он говорит. Она все еще держалась от него на расстоянии. Не доверяла, и правильно делала.

— На охоте, — говорил Урдак, — мистер Гош не даст соврать, с добычей останется не тот, кто сильнее, не тот, кто быстрее, и не тот, у кого крепкие зубы и острые когти. И даже не тот, кто умнее. Нет, мое дорогое со-

МЕРТВЫЙ ЛЕС

кровище, все не так. На охоте выигрывает тот, кто лучше всех умеет ждать...

Урдак принюхался к ветру. Преследователи уже близко, ближе, чем он думал, но дальше, чем думали они сами. Это не пугало, вовсе нет. Скорее бодрило, как морозный зимний воздух. От осознания, что опасность рядом, кровь быстрее бежала по жилам. Давненько он не играл в эту игру по-настоящему.

— Главное на охоте, моя драгоценная, — сказал Урдак, — никогда не забывать, кто здесь охотник, а кто добыча, правильно я говорю, мистер Гош?

Девочка согнулась, и спутанные волосы скрыли ее лицо. Но Урдак знал, что из-за этой темной завесы она внимательно следит за каждым его движением, ловит каждое его слово. Это льстило его самолюбию. До сих пор только мистер Гош мог по достоинству оценить его таланты. Но сейчас мистер Гош надулся и молчал, не иначе как приревновал его к девчонке. Ничего, они еще успеют подружиться.

— Вот так-то, сокровище мое. Будешь об этом помнить, и у тебя всегда будет чем наполнить свой живот. На охоте нельзя спешить. На охоте самое главное — выбрать подходящий момент.

Под деревом

Боль в ноге отступила. Совсем не прошла, но на смену горячей и резкой пришла ноющая и тупая. По крайней мере, до тех пор, пока он не двигался.

Доктор Салазар сидел, прислонившись спиной к ребристому стволу дерева, и думал о том, как же его уго-раздило попасть в такой переплет. Всего пару дней назад

он и представить не мог, что застрянет посреди леса со сломанной, очевидно, ногой. Настолько далеко от мира, в котором он жил раньше, что это просто не укладывалось в голове.

Салазар устроился на моховой кочке, и снизу постепенно просачивалась вода. Штаны совсем промокли, пожалуй, это досаждало ничуть не меньше, чем боль в ноге. А ведь была еще и всякая живность, решившая, что другого шанса познакомиться с доктором поближе может и не представиться. Комары, мошки, мухи вились над головой, лезли в глаза и рот. Прямо по штанине парочка рыжих муравьев тащила куда-то извивающуюся зеленую гусеницу... Да что же это за место такое, где все думают лишь о том, как бы сожрать друг друга?!

Из-за деревьев доносился мерный стук топора — где-то там егерь Ханс мастерил для Салазара костыль. Доктор его не видел, но этот звук его успокаивал. Хоть какое-то свидетельство, что он здесь не один и что Григер с остальными вовсе не бросили его на съедение диким зверям.

Доктор поежился. Когда он наконец выберется из этого леса... Если он выберется из этого леса, то сделает все возможное, чтобы в его жизни больше не осталось зеленых насаждений. Никаких лесов, никаких садов и парков, никаких газонов и лужаек, он даже от комнатных цветов избавится, чтоб им пусто было. Теперь в его мире не будет ничего, кроме стекла, бетона и асфальта, и это будет идеальный мир.

На ветку над головой опустилась незнакомая птица — черная, с красными крыльями — и принялась разглядывать доктора с нахальным любопытством.

МЕРТВЫЙ ЛЕС

— Кыш. — Салазар вяло взмахнул рукой. — Кыш, пошла прочь...

Однако птица и не подумала улетать: перескочила на соседнюю ветку и издала долгую звонкую трель. Странно знакомую, но доктор не сразу сообразил, где ее слышал. Когда же сообразил... Да чтоб его! Это же та самая песня, которую пела жуткая девочка в сарае, но спетая в три-четыре раза быстрее. Едва Салазар это понял, ему стало не по себе. Словно что-то холодное и липкое проползло вдоль позвоночника — какой-нибудь мерзкий слизняк или даже многоножка. Салазар заерзал на месте, проклиная самыми грязными словами всех зверей, которые роют норы, и всех птиц, которые поют песни. Если бы он мог подняться... Доктор напирал во мху крошечную сосновую шишку и попытался кинуть в нахальную птицу. Но, разумеется, не добросил. Птица и не заметила.

— Ханс! — позвал Салазар. — Ханс, можно вас на...

Он замолчал: голос прозвучал очень тихо. Как если бы доктор кричал, зажав рот ладонью. И что-то изменилось. Словно бы воздух, безо всякой на то причины, сгустился и стал вязким и плотным. Лес тревожно зашумел.

— Ханс?

Стук топора прекратился, однако доктор не смог вспомнить, когда же это случилось. Только что? Или некоторое время назад? Неужели егерь закончил работу? Салазар приподнялся, опираясь на руки, высматривая Ханса за деревьями и подлеском. Ничего — ни движения, ни тени, ни силуэта, мелькнувшего сквозь сплетение ветвей. Куда же он подевался? У доктора перехватило дыхание. Нет, нет... Не может быть, чтобы егерь бросил его

в этом лесу! Как бы Ханс ни относился к Салазару, так бы он не поступил. Наверное, он отлучился по нужде, такое вот простое и понятное объяснение...

Из кустов послышалась возня, а следом — короткий сдавленный хрип. И тут же все стихло.

— Ханс? У вас все в порядке?

Нет ответа. Доктор крепко зажмурился. Все, что здесь происходит, сказал он себе, это сон. Дурной ночной кошмар. Сейчас он откроет глаза, и окажется, что он все еще на станции, а на соседней кровати храпит Ласло. Это алкоголь и кислород, они...

Салазар открыл глаза. Он не проснулся. Он сидел под дурацким деревом посреди дурацкого леса, искусанный комарами, у него болела нога. И лишь одно изменилось — он уже не один. Из-за деревьев пружинистой походкой вышел некто, и это был не человек.

У него было две руки и две ноги, и голова на плечах. Он носил вполне человеческую одежду, у него даже оказалась шляпа — побитый старомодный цилиндр, украшенный драными перьями. И все же это был не человек. Он носил это обличье так же, как носят карнавальный костюм, и даже не особо старался: все в его облике казалось неправильным, изломанным, несло какой-то изъясн. Слишком костлявое лицо, слишком глубоко посаженные глаза, слишком выпирающий подбородок и сплошь и рядом — искаженные пропорции. Каждый сустав располагался немного не там, где полагалось, и сгибался немного не так, как у обычных людей. Его наряд казался насмешкой над самой идеей одежды — так могло вырядиться разве что лишенное вкуса огородное пугало.

Доктор сразу понял, что именно это существо он видел ночью на станции. В погоню за ним они и вышли

МЕРТВЫЙ ЛЕС

в поход... Но теперь роли поменялись. Теперь уже не Салазар был охотником.

Доктор не стал кричать, не стал звать на помощь. Он уже знал, что егеря Ханс не сможет его спасти, а Григер и остальные ушли слишком далеко и не успеют вернуться, как бы громко он ни вопил. И какой тогда смысл?

— Кто вы? — прохрипел Салазар, прижимаясь спиной к дереву.

Был еще один очевидный вопрос: «Что вам нужно?» Но ответ на него доктор прочитал в глазах этого существа: *голод*. Жуткий, неутолимый голод.

Существо остановилось шагах в десяти и уставилось на Салазара, сильно вывернув шею. Как будто хотело взглянуть на него вверх ногами. Длинный нос зашевелился, губы изогнулись, открыв кривые желтые зубы. Не то хищный оскал, не то нелепейшая попытка изобразить улыбку.

— Кто я? — переспросило существо, будто вопрос оскорбил его до глубины души. Если, конечно, у него имелась душа, в чем Салазар сомневался. — Так кто же я? Может, вы мне подскажете, мистер Гош?

Он выхватил из кармана грязный комок меха, в котором доктор с трудом опознал плюшевую игрушку. Выглядела она так, будто ее долго рвали зубами, потом топили и пытались сжечь и только после всего этого вручили жуткому существу. Лапы и голова игрушки болтались на ошметках ниток, из многочисленных дыр комьями вываливалась набивка.

— Что скажете, мистер Гош? — Существо прижало игрушку к самому уху и закатило глаза. И оно нисколько не притворялось, будто слушает, что говорит ему «мистер Гош», оно действительно его слушало.

— Да, да, конечно. В самом деле...

Существо выпрямилось, и его желтозубая улыбка стала заметно шире. Не иначе как для того, чтобы доктор увидел, что зубов у него сильно больше, чем полагается человеку.

— Позвольте представиться, — сказала оно, прижимая руку к груди и сгибаясь в издевательском поклоне. — Мое имя — Урдак, и я последний настоящий джентльмен...

— Кто? Джентльмен? Что это значит?

Урдак аж надулся от гордости.

— То, что у меня есть шляпа. Раньше она была у другого настоящего джентльмена, теперь она моя. Значит, я *последний* настоящий джентльмен...

— Не понимаю, — проговорил Салазар.

Урдак выпятил нижнюю губу.

— Какой же ты глупый! — сказал он с обидой. — Вот так всегда... Никто меня не понимает, мистер Гош, только вы да наше сокровище. Жизнь жестока и несправедлива, не так ли?

Взявшись двумя руками за челюсть, он потянул ее вперед, и доктор мог бы поклясться, что в ответ на этот жест зубы во рту существа задвигались. Разве такое возможно?

Салазар еще сильнее прижался спиной к дереву. Он знал, что не сможет себя защитить. У него нет оружия — ни ружья, ни ножа. Одна шариковая ручка в кармане, но какая от нее польза? Разве что оставить Урдаку автограф на память.

— Какой ты жалкий и глупый, — вздохнул Урдак, делая шаг навстречу Салазару. — Но это не важно, правда, мистер Гош?

МЕРТВЫЙ ЛЕС

Это же ты?

Она почти опоздала. Ива выскочила из леса за мгновение до того, как настоящий джентльмен набросился на свою жертву.

Зазвенела тетива, стрела со свистом разрезала воздух. И если бы не острейший слух Урдака, если бы не его невероятная ловкость, эта стрела точно бы пронзила его тощую шею. Покончила бы с ним раз и навсегда.

Но он ее услышал, успел пригнуться, и стрела сбила цилиндр с его головы. Громко заклекотав, Урдак перекатился через плечо в сторону от человека под деревом. Тут же вскочил на ноги. Не мешкая, Ива пустила вторую стрелу, но и на этот раз Урдак увернулся. Изогнулся так, будто в его теле совсем не было костей. Узкое лицо перекосила злобная гримаса, словно у него одновременно заболели все зубы.

— Это ты... — прошипел Урдак, припадая к земле.

Ива не сказала ничего. На тетиву легла третья стрела, но она не спешила. Теперь, когда ее заметили, подстрелить тварь будет не просто. Ива не собиралась тратить стрелы впустую.

— Давненько не виделись? — зашипел Урдак. Он медленно двинулся в сторону, кончиками пальцев опираясь о землю. Узкие глаза неотрывно следили за Ивой, не упуская малейшего движения. — Ты успела подрасти, дочь ведьмы...

Иве было что сказать этой твари, но она хранила молчание. Она пришла сюда за тем, чтобы ее убить, а не ради разговоров.

— И как поживает Госпожа? — Речь Урдака звучала все тише. — Передавай ей мой нижайший поклон...

В тот же момент он прыгнул вперед. Не на Иву и не на мужчину под деревом, а за шляпой. Подхватив сбитый цилиндр, Урдак двумя руками прижал его к груди и осклабился. Вот сейчас...

Послышался треск, и из кустов выскочила Угольная Девочка собственной персоной. Вот уж кого Ива меньше всего ожидала здесь увидеть. Любого из них по отдельности — да, но не вместе.

И лицо, и грудь, и руки Угольной Девочки блестели от свежей крови. Выходит, она все-таки опоздала...

Ива крепко стиснула зубы. Все как учил ее Охотник: расслабиться, держать дыхание, почувствовать ветер... Но теперь их двое, Ива же понимала, что успеет выстрелить лишь один раз. Придется выбирать. И какой бы выбор она ни сделала, не факт, что она попадет в цель. Ловкость, с которой настоящий джентльмен увернулся от первых стрел, пугала, и не исключено, что и Угольная Девочка способна на такие же трюки. Связываться с ними — это не то же самое, что охотиться на кроликов и уток. Успеет ли она выхватить кортик, прежде чем острые зубы вонзятся ей в шею? И чьи это будут зубы... Именно такой выбор стоял перед ней на самом деле.

Если бы Ива была одна, она бы не думала. Она бы выстрелила, и будь что будет. Но под деревом сидел человек, испуганный и беззащитный, и Ива прекрасно понимала, что ее промах обречет его на смерть. Самую жуткую, какую можно вообразить. Ива помнила, что настоящий джентльмен сделал с маленькой Авророй. И не важно, кем был этот мужчина, она не имела права обрекать его на подобную участь.

— Косточки... — заскулила Угольная Девочка. — Мягкие косточки... Сла-адкие...

МЕРТВЫЙ ЛЕС

Урдак попятился в ее сторону.

— Боюсь, я должен раскланяться, — процедил он. — Какая жалость, что мы не успели поболтать подольше! Но у нас еще будет такая возможность, не так ли?

Ива молчала, но Урдак и не ждал ответа.

— До новой встречи, дитя воронов.

Он нахлобучил шляпу, едва заметно поклонился и метнулся в заросли орешника. Угольная Девочка последовала за ним. В одно мгновение две фигуры, одна выше, другая пониже, растворились в лесу. И даже ветви не шелохнулись.

Ива опустила лук, и стрела выпала из ослабевших пальцев. На нее навалилась такая усталость, что она пошатнулась. И это все? Все кончилось? Таким вот нелепым образом?

Ива поежилась, как от холода, и до боли прикусила щеку. Нет, ничего еще не кончилось. Но сейчас она не могла об этом думать. Она повернулась к мужчине под деревом, который тарашился на нее во все глаза.

— Они ушли, — сказала Ива, не представляя, что еще тут можно сказать. — И не вернутся. Тебе повезло.

Мужчина глотнул воздух. У него было круглое добродушное лицо и черные с проседью волосы, под глазами темнели мешки. Выглядел он жалко, хотя и изо всех сил старался держаться. И глядя на него, Ива видела, что это хороший человек... Хороший человек, ступивший на очень скользкую дорожку.

— Это ты? — хрипло сказал мужчина.

Ива пожала плечами. Она не собиралась с ним разговаривать: все, чего ей хотелось, — это оказаться Дома рядом с Матушкой, рядом с Розой и остальными. Кажется, на кухне еще осталось немного утиного супа.

— Это ты? — повторил мужчина. — Ты вернулась? Столько лет прошло, но ты вернулась, чтобы спасти меня?

Ива очень внимательно посмотрела на незнакомца. Что-то странное мелькнуло в глубине его глаз, но она не поняла, что именно. Страх? Или надежда?

— Вернулась? — переспросила она.

Мужчина протянул к ней руку и тут же уронил ее.

— Мария? — тихо проговорил он. — Это ты? Они говорили, что ты погибла. Разбилась в автокатастрофе... Они говорили... Но ты смогла вернуться. Моя маленькая глупая сестренка, ты совсем не изменилась...

Ива покачала головой.

— Нет, — сказала она. — Ты ошибся. Меня зовут иначе, и мы никогда не встречались.

— Неужели ты не узнаешь меня, Мария? Это же я, Хайме! Ну да, постарел немного, обрюзг, растолстел... Но это же я!

— Прости. Я не та, за кого ты меня принял.

— Зачем ты... — Мужчина задрожал. — Я же сохранил все твои снимки. Вот, сейчас...

Он захлопал себя по штанам и в итоге вытащил из кармана бумажник в кожаном переплете.

— Вот смотри, это фото с того дня, когда мы ходили в парк развлечений на день рождения. Помнишь? Ты перепила газировки, и она пошла у тебя носом... Помнишь? Сколько нам тогда исполнилось? Шестнадцать, да?

Он затряс перед собой клочком бумаги — старой фотографией, как догадалась Ива, вроде тех, что хранились в комнате у профессора Сикорского. Но какое это имело отношение к ней? Никто и никогда ее не фото-